

РОЛЬ АНАЛОГИИ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИХ РАСШИРИТЕЛЕЙ КОРНЯ*

Мария Николаевна Казанская

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург,
199053, Российская Федерация; maria.kazanskaya@gmail.com

В статье исследуется роль аналогии в распространении расширителей корня. Показывается, что аналогия была одним из наиболее значимых механизмов расширения корней, причем благодаря постоянному характеру этого явления распространение праиндоевропейских расширителей продолжалось и после распада праиндоевропейского языкового единства в рамках отдельных языков. Признание роли аналогии позволяет в значительном числе случаев решить проблему отсутствия семантической составляющей при расширении корня. Эти выводы иллюстрируются на двух примерах аналогического влияния одного корня на другой. В первом случае исследуется пара созвучных корней: **b^hleid-*, который, несмотря на присутствие только в греческом языке, в LIV восстанавливается как праиндоевропейский расширенный корень, и **g^hleid-*, который из-за нестандартного развития семантики не включается в LIV, несмотря на наличие близких германских параллелей. Показывается, что расширитель *-d-* в производных **b^hleid-* (φλιδάω ‘набухать; сочиться’, φλοιδούμενος ‘томящийся (о мясе)’, и др.) появился под влиянием χλίο/χλιδάω ‘быть теплым; роскошествовать’ (от **g^hlei(d)-*) и что этот аналогический переход произошел уже в рамках древнегреческого языка. Во втором примере исследуется соотношение синонимических корней **h₂uelk-* ‘волочить’ и **selk-* ‘тащить’, которые помимо сходного значения оба имеют расширитель *-k-* и схожую систему дериватов в различных индоевропейских языках (ср. др.-греч. ὤλξ/αῦλαξ ‘борозда’ от **h₂uelk-*; лат. *sulcus* от **selk-*; ср. др.-англ. *sulh*, др.-греч. ἔλκω ‘тащить’). Ввиду близости **h₂uelk-* и **selk-* предлагалось возвести их к единому корню. В статье показывается, что в данном случае речь идет о двух синонимичных, но независимых корнях, из которых один (вероятно, **h₂uelk-*) повлиял на другой, близкий по значению (соответственно, **selk-*) еще на стадии праиндоевропейского единства. То, что оба корня использовались в склонной к консервативности сельскохозяйственной лексике, позволило сохраниться схожим по форме и по семантике дериватам ὤλξ/αῦλαξ и *sulcus*.

Ключевые слова: аналогия, праиндоевропейские расширители корня, словообразовательные модели в древнегреческом языке

THE ROLE OF ANALOGY IN THE SPREAD OF THE PIE ROOT EXTENSIONS

Maria N. Kazanskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
199053, Russian Federation; maria.kazanskaya@gmail.com

The paper examines the role of analogy in the spread of Proto-Indo-European root extensions. Analogy is shown to have been an influential factor in the extension of PIE roots, and its constancy accounts for the fact that PIE root extensions continued to spread even after PIE diverged into separate language groups; it furthermore may explain the lack of recognizable semantic change in a large part of extended roots vs. simple roots. These conclusions are illustrated by two case studies. The first focuses on a pair of similarly sounding

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты».

Я благодарна анонимным рецензентам за ценные замечания, редакции журнала за внимательную работу с рукописью, а также проф. М. Эгетмейеру за консультацию при написании этой статьи.

roots: **b^hleid-*, which, despite being attested only in Greek, is considered by LIV a PIE extended root, and **g^hleid-*, which, in spite of close Germanic parallels, is not included by LIV among PIE roots due to the unusual semantic development of its derivatives. It is shown that the **b^hleid-* (φλιδάω ‘to overflow with moisture’, φλοιδούμενος ‘seething’, etc.) acquired its extension under the analogical influence of χλίων / χλιδάω from **g^hlei(d)-* and that this change must have happened at a relatively late stage, already in Ancient Greek. The second case study concerns the relationship between two synonymic roots, **h₂uelk-* ‘to drag’ and **selk-* ‘to draw’. Besides their semantic closeness, these roots share the same extension *-k-* and produce similar derivatives in different IE languages (in particular, the Greek word for ‘furrow’, ὄλξ / ὄλαξ from **h₂uelk-*, and Latin *sulcus* from **selk-*, cf. OE *sulh*, Grk. ἔλκω ‘to drag’). Their resemblance is so striking that there have been attempts to reconstruct a single root from which they could both derive. It is argued that this is a case of an early analogical extension involving a pair of two synonymic but independent roots, one of which (probably **h₂uelk-*) transmitted the extension *-k-* to its close synonym (**selk-*), and that the distribution of their derivatives in Indo-European languages suggests that this must have happened in PIE. The fact that both roots appeared in the agricultural vocabulary accounts for the preservation of their derivatives ὄλξ / ὄλαξ and *sulcus*, remarkable for the similarity of their structure and semantics.

Keywords: analogy, Proto-Indo-European root extensions, word formation and derivational models in Ancient Greek

1. Аналогия и расширители: общие соображения

Праиндоевропейские корни в отдельных языках нередко получают дополнительный элемент, т. н. расширитель корня, происхождение которого далеко не всегда поддается восстановлению; одной из проблем, связанных с расширителями корня, является невозможность выявить семантическую составляющую этого добавочного элемента, что даже прописывается в определениях и используется при дифференциации расширителей от морфем (суффиксов, инфиксов)¹. Однако при изучении причин расширения корней неизбежно встает вопрос о смысловой или морфологической функции расширителя. В отдельных случаях, когда появление дополнительного согласного в конце корня сопровождается изменением значения лексемы, оказывается возможным связать расширитель с определенным значением; однако закрепить за каждым расширителем базовое значение, с большей или меньшей наглядностью проявляющееся в каждом корне, в котором он присутствует, не представляется возможным. Так, зачастую расширение корня или замена одного расширителя на другой не сопряжены с заметным изменением семантики, и поскольку речь идет о праиндоевропейском словообразовании, то в каждом конкретном примере можно было бы постулировать существование нюанса, изначально привнесенного расширителем, который затем оказался вновь утерян и более не проявляется в конкретных языках. Однако такое объяснение явно не может считаться достаточным при системном подходе к расширителям.

В этой статье будет рассмотрен один из механизмов семантически немотивированного расширения корня — аналогия. Хотя понятие аналогии нечасто привлекается при исследовании расширения корня, мы постараемся показать, что аналогические процессы могут служить одним из объяснений нарушения принципа языковой экономии, когда простой и расширенный варианты корня сосуществуют без видимых семантических различий.

Признание аналогии одним из важнейших факторов эволюции языка начинается с младограмматиков и Ф. де Соссюра. У младограмматиков аналогия впервые осмысливается как отражение достаточно осознанного стремления со стороны носителя регулировать язык

¹ «It is not uncommon for roots to appear with extra phonetic material (one or two sounds) added on to them, generally without any discernible change to the meaning of the root. These additional sounds are called ‘extensions’ or ‘enlargements’» [Fortson 2004: 72]; cp. «the crucial factor distinguishing ‘enlargements’ for ‘suffixes’ must be stated negatively: ‘enlargements’ have no reconstructable semantic or functional value; any segment with definable functional content can be referred to as a ‘suffix’. There are, moreover, no usable formal criteria which might serve to distinguish suffixes from enlargements (e. g. number of segments, nature of the segments, etc.)» [Vine 1981: 2—3].

(особенно морфологию), перенося на новый материал уже существующую модель [Osthoff, Brugman 1878: xiii—xvii; Brugman 1906: 16—18; Debrunner 1917: 7—10]. Соссюр, признавая значимость подхода младограмматиков [de Saussure 1967]², пошел дальше. У него аналогия предстает одним из связующих звеньев между синхроническим и диахроническим аспектами языка: по природе являясь синхроническим явлением, с течением времени аналогия приводит к эволюции языка. С точки зрения синхронии аналогия нарушает принцип языковой экономии, так как аналогическое образование не вытесняет немедленно существующую форму, а сосуществует с ней, и лишь позже стремление к экономии заставляет язык избавиться от одного из членов пары:

« (...) l'analogie ne saurait être à elle seule un facteur d'évolution ; il n'en est pas moins vrai que cette substitution constante de formes nouvelles à des formes anciennes est un des aspects les plus frappants de la transformation des langues. Chaque fois qu'une création s'installe définitivement et élimine son concurrent, il y a vraiment quelque chose de créé et quelque chose d'abandonné ; et à ce titre l'analogie occupe une place prépondérante dans la théorie de l'évolution » [de Saussure 1967: 232].

Такое видение аналогических процессов позволило Соссюру заключить, что аналогия не только участвует в обновлении языка, но и парадоксально является фактором сохранения старого материала, ведь аналогический процесс опирается исключительно на ранее существовавшие элементы [de Saussure 1967: 235—236].

Хотя аналогия присуща языку на любом этапе развития, в рамках реконструкции праиндоевропейской корней оперировать ею сложно. Наши представления о лексической системе праиндоевропейского языка зачастую слишком фрагментарны и неточны (не только в отношении фонетической структуры, но и семантики) для восстановления аналогического влияния одного корня на другой. И если привычная аналогическая пропорция строится на трех компонентах, объясняющих появление четвертого³, то в случае праиндоевропейской реконструкции приходится иметь дело с уравнением с несколькими неизвестными. Неудивительно, что Бекес и де Фан при разборе роли аналогии в создании праиндоевропейской морфологической системы указывают на корень как на предел ее действия⁴. Однако, как кажется, в случае расширителей можно отойти от этой, в целом совершенно оправданной, осторожности.

Наблюдение за парами расширенных и «простых» корней показывает, что аналогический переход расширителя с одного корня на другой был одним из механизмов распространения расширителей, причем аналогические процессы продолжались и после распада праиндоевропейского единства, и потому при реконструкции корней с расширителем необходимо учитывать возможность, что тот был добавлен к праиндоевропейскому корню уже в рамках конкретного языка под влиянием схожего корня. Для иллюстрации аналогического перехода расширителя были выбраны два примера: мы постараемся показать, что в обоих случаях расширение корня произошло под аналогическим влиянием близкого (по смыслу или звучанию) корня с расширителем, причем в первом случае переход произошел в рамках древнегреческого языка, а во втором — еще на праиндоевропейском уровне. Разумеется, это далеко не единственные примеры подобного перехода, но мы решили остановиться на них из-за наглядности (в частности, возможности определить, который из близких корней повлиял на другой).

² См. обзор влияния младограмматиков на Соссюра у [Morpurgo Davies 2006: 15—17].

³ Соссюр иллюстрирует принцип аналогической пропорции на примере *honor* 'честь', заместившем раннюю форму *honōs* [de Saussure 1967: 221—222]: *honor* соотносится с аккузативом *honorem*, как *orator* 'оратор' с *oratorem* (ср. *ōrātōrem* : *ōrātor* и *honōrem* : *x*, следовательно *x* = *honor*).

⁴ «...in inflected languages endings and suffixes, which are sometimes intertwined, show clear patterns which can function as models for analogy. This is not the case with the beginnings of words (that is to say, roots). There we see no clear form-models. Should analogy try to exert its pressure in the root-part of different words, there would have to be some kind of relation in their meanings. But relations are seldom found which are clear enough in the beginnings of words as to make the operation of analogy possible» [Beekes, de Vaan 2011: 82].

2. Расширение корня *b^hlei(d)-* в древнегреческом языке

М. Кюммель восстанавливает с долей сомнения корень **b^hleid-* со значением ‘набухать, литься через край’ (aufschwellen, überfließen). Соответствующая лемма в [LIV] выглядит следующим образом:

(1) Aorist	<i>*b^hléid- / *b^hlid-</i>	[гр. ἔφλιδεν·διέρρεεν Hsch. ‘zerfloß’]
Präsens	<i>*b^hli-né / n-d-</i>	[гр. φλιδάνει διαρρεῖ Hsch. ‘zerfließt’]
Perfekt	<i>*b^he-b^hlôjd / *b^hlid-</i>	гр. διαπέφλοιδεν διακέχυται Hsch. ‘ist zerflossen’]
Iterativ	<i>*b^he-b^hlôjd-êje-</i>	φλοιδούμενος Lyc. 35 ‘sprudelnd, siedend’]

Корень *b^hlei(d)-* надежно засвидетельствован лишь в греческом, несмотря на попытки обнаружить соответствия в других индоевропейских языках. Так, Фик предлагал в качестве параллели к φλιδάω англ. *bloat* ‘раздуваться, пухнуть’⁵. Однако *bloat* в его современном значении происходит от вышедшего из употребления прилагательного *bloat* ‘слабый, мягкий, рыхлый’ (которое, в свою очередь, связывается с др.-исл. *blautr* ‘моченый; мягкий, слабый’, от **b^hleud-*) [Pfister 1969: 80], и соответствует, как с точки зрения семантики, так и фонетики греч. φλιδάω ‘быть влажным; становиться дряблым, слабым’ и φλιδарός ‘дряблый, слабый’ (а они, в свою очередь, не могут быть возведены к **b^hléid-*). Предложенное Прелльвицем [Prellwitz 1892: 347, s.v. φλοιδάω]⁶ сближение φλιδάω с латышскими глаголами *blīst* и *blīzt* ‘крепчать, тучнеть’ (ср. производное *blidums*) не вполне удачно с точки зрения семантики, поскольку а) в них отсутствует центральное для φλιδάω и родственных ему слов значение ‘наливаться соками’ (подробнее о семантике φλιδάω и его производных см. ниже) и б) они находят значительно более близкое соответствие в лит. *blandūs* ‘густой; темный’ и *blęsti* ‘заставлять загустеть, примешивая муку; темнеть; говорить вздор’ (ср. также лтш. *blīzs* ‘крепкий и сильный’)⁷. В свете сказанного, позиция основных этимологических словарей древнегреческого языка, не принимающих *blīst* и *blīzt* в качестве параллели к φλιδάω, представляется нам обоснованной, см. [GEW: 1028, s.v. φλιδάω; DELG: 1213, s.v. φλίω; EDG: 1580, s.v. φλιδάω].

Несмотря на отсутствие надежных соответствий, Кюммель постулирует праиндоевропейский корень **b^hleid-*, вероятно, потому, что в приведенных формах видно чередование *o*-огласовки (διαπέφλοιδεν, φλοιδούμενος) и нулевой ступени корня (ἔφλιδεν, φλιδάνει)⁸. Однако тот факт, что корень **b^hleid-* надежно засвидетельствован лишь в греческом и что в том же греческом обнаруживаются следы нерасширенного корня **b^hlei-*, дает основание сомневаться в древности расширителя *-d-*.

⁵ «Weiterbildung bhli-d: gr. φλιδῆ ὕψιγkeit und engl. bloat (aus blaitōn) ausschwellen» [Fick 1909: 3, 286, s.v. (bli) 2]. Эту идею с одобрением упоминает Шантрэн [DELG: 1213, s.v. φλίω].

⁶ Сближение лтш. *blīst* с φλιδάω принимается Покорным [IEW: 156, s.v. *bhleid-*], Вайном [Vine 1981: 195], а также в этимологическом словаре латышского языка Карулиса [Karulis 2001: 137, s.v. *blīst*] (за эту ссылку я благодарю одного из анонимных рецензентов).

⁷ Так, Дерксен [EDBIL: 93, s.v. *blandus*; 93—94, s.v. *blęsti*]. Приведенные в словаре [Mühlenbach, Endzelin 1943: I, 316, s.v. *blīst*] примеры *blīst* (*blīzt*) показывают, что именно значение ‘уплотняться, крепнуть’, а не ‘наливаться жидкостью’ было основным: ср. *viņš krietni audzis un blīzis* ‘он сильно растет и крепнет’, *bērns auga augumā un blīdumā*, который можно передать как ‘мальчик растет в высоту и в плечах’.

⁸ Ранние греческие перфекты отличаются *o*-огласовкой наряду с редупликацией [Chantraine 1926: 22; Wackernagel 1969: 1009]. Ср., однако, предупреждение Шантрена: «Tous les exemples n’ont pas au point de vue de l’indo-européen une égale valeur. Quelques-uns peuvent être des créations grecques, ce qui montre que le procédé est resté longtemps vivant ; d’autres continuent assurément des parfaits indo-européens. Citons parmi les plus sûrs : γέγονα, ἔστηκα, πέφικα, (φ)έ(φ)ολλα, ἔμμορε, πέποιθα, διέφθορα, τέτροφα » [Chantraine 1926: 36—37].

Начнем с производных от **b^hlei(d)-*. Хотя расширенный корень представлен лучше, есть одно интересное свидетельство корня без расширителя в «Alexipharmaca» Никандра Колофонского:

- (2) καὶ τε βοὸς νέα γέντα περιφλίοντος ἀλοιφῇ
τηξάμενος κορέσαι ποτῶ ἔγχανδέα νηδύν (Nic. Alex. 62—63)⁹
περιφλίοντος **TM** περιφλιδόοντος **b*c** περιφλιδόοντος **GOV** περιφλιδόντος **L**
ἐγχανδέα **TR^{ac}Vx** ἐγχανέα **M** ἐνιχανδέα **LO** εὐχανδέα **GR^{pe}**
‘А также, потомив молодые внутренности быка, истекающего жиром, заполни этим
питьем всю вместимость¹⁰ своего живота’.

Никандр (II в. до н. э.) известен темным языком и склонностью к использованию редких слов и форм, а его текст — сложной рукописной традицией. В Alex. 62—63 глагол представлен без -δ- (περιφλίοντος) в наиболее авторитетной рукописи T (Parisinus Supplementum graecum 247) и в более стандартной форме с -δ- в остальных. Из современных издателей часть принимает в Alex. 62 чтение περιφλιδόοντος как более частотное и находящее параллель в бесприставочном φλιδόοντος, ср. Nic. Alex. 556a¹¹ [Jacques (éd.) 2007: 7], тогда как другие сохраняют чтение рукописи T как lectio difficilior [Gow, Scholfield (eds.) 1953: 98]¹². Хотя однозначно отдать предпочтение одному из чтений сложно, следует отметить, что а) περιφλιδόοντος является lectio faciliior, поскольку глагол с -δ- более регулярен (в частности, ср. Nic. Alex. 556a; Ther. 363), б) искажение περιφλιδόοντος в περιφλίοντος объяснить сложнее, чем обратное, и в) приставка часто способствует сохранению более раннего варианта корня. Кроме того, элиминируя этот парадигматический пример мы рискуем потерять редкую и, вероятно, древнюю форму¹³.

Если в Nic. Alex. 62 стояло περιφλίοντος, можно допустить сосуществование в греческом расширенного и простого корней, причем просодия у Никандра указывает на долготу -ι- в форме περιφλίοντος в отличие от φλιδάω. В силу семантики глагол не принадлежал литературному языку, и оба варианта засвидетельствованы плохо¹⁴: Шантрэн восстанавливает в качестве исходной формы для данной семьи φλίω [DELG: 1213, s.v. φλίω], тогда как Фриск [GEW: 1028, s.v. φλιδάω] и Бекек [EDG: 1580, s.v. φλιδάω] выносят в качестве леммы, очевидно, вторичный глагол φλιδάω.

⁹ Здесь и далее ссылки на приводимые древнегреческие тексты даются в соответствии со стандартными сокращениями, принятыми в [LSJ].

¹⁰ В рукописях прилагательное представлено с небольшим разночтением, ἐγχανδέα или εὐχανδέα (остальные перечисленные в критическом аппарате формы являются вариантами ἐγχανδέα). По смыслу прилагательные ἐγχανδής и εὐχανδής являются синонимами, означая ‘обширный’, и оба подходят в данном контексте: первое делает акцент на вместимости живота (ἐγχανδής; принимается в издании [Jacques (éd.) 2007: 7]); второе — на его естественной объятности (εὐχανδής; принимается в издании [Gow, Scholfield (eds.) 1953: 98]).

¹¹ ...ἀλθαίνει καὶ γέντα συὸς φλιδόοντος ἀλοιφῇ / ἀμμίγην ἀλίωιο καθεψηθέντα χελύνης / γυίοις... ‘полезны и внутренности свиньи, истекающей жиром, сваренные вперемешку с членами морской черепахи...’ (Nic. Alex. 556a—558). Обращает на себя внимание близость как контекстов, так и формулировок. Заметим, что в Alex. 556a—558 чтение φλιδόοντος не вызывает сомнений (ср. также σπλεδόσι φλιδόωσα, Nic. Ther. 363).

¹² Все этимологические словари греческого принимают это чтение, не рискуя пренебречь редкой формой: см. [GEW: 1028, s.v. φλιδάω; DELG: 1213, s.v. φλίω; EDG: 1580, s.v. φλιδάω].

¹³ Фриск [GEW: 1028, s.v. φλιδάω] и Бекек [EDG: 1580, s.v. φλιδάω] предполагают, что περιφλίοντος (Nic. Alex. 62) лишился -δ- под влиянием φλύω / φλυδάω ‘кипеть’, указывая, что φλιδάω и φλυδάω влияли друг на друга как в формообразовании, так и в семантике. Следуя этой аргументации, форма περιφλίοντος должна была появиться под влиянием περιφλύω. Такой глагол действительно существует, но со значением ‘обжечь (со всех сторон), обуглить’ (ср. τοὺς δὲ ζῶντας περιφλύει ‘обугливает живых’, Aristoph. Nub. 396; var. lect. περιφλεύει), что делает аналогическое влияние на семью φλιδάω маловероятным. Предпочтительна позиция Шантрэна [DELG: 1213, s.v. φλίω], восстанавливающего исходный глагол как φλίω.

¹⁴ См. [Jacques (éd.) 2002: 29] в заметке к стиху Nic. Ther. 363.

Корень с расширителем -δ- засвидетельствован в глаголе φλιδάω, который встречается у Никандра (Nic. Alex. 556a; Ther. 363¹⁵) и Плутарха (Plu. Mor. 642e), а также в ряде глосс, которые (в отличие от [LIV]) мы процитируем без сокращений.

(3) **Расширенный корень в нулевой ступени**

- a. ἔφλιδεν·διέρρηεν. ἐρρήγνυνεν (Hsch. ε 7504)
'проливался, разрывался'
- b. φλιδάνει·διαπίπτει, διαρρεῖ (Hsch. φ 613)
'обрушивается, растекается'
- c. φλιδόνες·τὰ ἐν τοῖς ἱματίοις σπάσματα, καὶ ῥυτίδες. τινὲς δὲ σφυγμοί (Hsch. φ 615)
'дыры на платье, и морщины; по другим же пульсация'
- d. φλιδιώντο διε(σ)πώντο. ἐτέμνοντο (Hsch. φ 614)
'они разорвались, были разрезаны'

(4) **Расширенный корень с о-огласовкой**

- a. πεφλοιδῶς·τὸν φλοιδὸν ἀποβαλὼν (Hsch. π 2114)¹⁶
'скинувший кору'
- b. πεφλοιδένας·φλукταίνουσθαι (Hsch. π 2115)
'покрыться нарывами'
- c. διαπέφλοιδεν διακέχυνται (Hsch. δ 1216)
'растекся'
- d. διαφλύξεις·ὑπερφλοισμοὶ ὕγροί (Hsch. δ 1442)
'διαφλύξεις: влажные выпоты'
- e. φλοιδούμενος ταραττόμενος (Hsch. φ 638; cf. Lyc. Al. 35)
'охваченный волнением'
- f. φλοιδιᾶν·πεπρήσθαι (Hsch. φ 637)
'быть обожженным'

Разброс форм, разнообразие приписываемых лексикографами значений и невозможность сверить их с конкретными контекстами затрудняют вычлечение одного исходного значения φλίω / φλιδάω¹⁷. Впрочем, засвидетельствованные употребления можно сгруппировать следующим образом.

1. **'набухать'**, о волдырях и нарывах: φλιδᾶν 'налиться' (Nic. Ther. 363; Hsch. φ 613; Plu. Mor. 642e), πεφλοιδένας 'покрыться нарывами', ὑπερφλοισμός 'выпот' (ср. также φλοιδιᾶν, глоссируемое как πεπρήσθαι 'быть обожженным'¹⁸, и φλιδόνες, согласно тому же Гезихию, обозначающее «пульсацию» — вероятно, о готовом лопнуть нарыве).

¹⁵ Ср. также глоссы φλιδᾶν·σῆπτεσθαι (Hsch. φ 613); φλιδόωσα·ῥήγνυμένη (Hsch. φ 616). Первая глосса несомненно поясняет σηπεδοσί φλιδόωσα у Никадра (Nic. Ther. 363).

¹⁶ Пояснение τὸν φλοιδὸν ἀποβαλὼν, вероятно, опирается на народную этимологию, основанную на созвучии πεφλοιδῶς с φλοιδός, ср. у Шантрена [DELG: 1213, s.v. φλίω]: « πεφλοιδῶς [...] étant rapproché à tort de φλοιδός 'écorce' ».

¹⁷ Шантрен, восстанавливая 'набухать' как исходное значение для *b^hleid-, отмечает, что оно вряд ли ощущалось носителями языка: « Mais le sens fondamental de ce groupe est difficile à établir et les gloses d'Hésychius montrent que les Anciens ne la percevaient déjà plus. Il semble pourtant que l'acception première '(se) gonfler, être enflé' puisse expliquer les faits sémantiques » [DELG: 1213, s.v. φλίω].

¹⁸ Отметим, что перфектный инфинитив πεπρήσθαι, очевидно, указывает на **результат** ожога (т. е. ожоговые пузыри), что сближает эту глоссу с πεφλοιδένας·φлукταίνουσθαι 'покрыться волдырями' (Hsch. π 2115).

2. ‘разорваться’, ‘протечь’, об эксудате при лопнувшем нарыве: $\epsilon\phi\lambda\acute{\iota}\delta\epsilon\nu$ (Hsch. ϵ 7504), $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota$ (Hsch. ϕ 613), $\delta\iota\alpha\pi\acute{\epsilon}\phi\lambda\omicron\iota\delta\epsilon\nu$ (Hsch. δ 1216), $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\sigma\alpha\cdot\rho\eta\gamma\gamma\nu\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ (Hsch. ϕ 616). Семантический перенос на другие типы разрывов заметен в использовании $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\nu\epsilon\varsigma$ применительно к разрыву ткани (см. Hsch. ϕ 615) и, вероятно, в глоссе $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\nu\tau\omicron$ (Hsch. ϕ 614).

3. ‘понемногу испускать влагу’, особенно при нагревании; ‘выпускать соки, томиться’ (о мясе). Хотя это значение в словарях не выделяется, именно этот оттенок отличает использование семьи $\phi\lambda\acute{\iota}\omega/\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\omega$ в рассмотренных выше пассажах Никандра. Так, издатели стандартно переводят причастия от интересующих нас глаголов в $\beta\omicron\delta\acute{\omicron}\varsigma\ \nu\acute{\epsilon}\alpha\ \gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\ \pi\epsilon\rho\iota\phi\lambda\acute{\iota}\omicron\nu\tau\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\iota\phi\grave{\eta}$ (Nic. Alex. 62) и $\gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\ \sigma\upsilon\delta\acute{\omicron}\varsigma\ \phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\nu\tau\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\iota\phi\grave{\eta}$ (Nic. Alex. 556a) как ‘налившийся жиром’¹⁹. Формально в обоих случаях причастие действительно относится к генитиву ($\beta\omicron\delta\acute{\omicron}\varsigma$ и $\sigma\upsilon\delta\acute{\omicron}\varsigma$), однако конструкция объясняется тем, что Никандр из метрических соображений прибег к стилистической фигуре $\acute{\epsilon}\nu\alpha\lambda\lambda\alpha\gamma\acute{\eta}$, тогда как $\pi\epsilon\rho\iota\phi\lambda\acute{\iota}\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$ и $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\nu\tau\omicron\varsigma$ по значению относятся к $\gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$ ²⁰. В самом деле, в контексте рецепта, по которому при тушении жир должен постепенно выплавляться, образуя полезный бульон, Никандру явно важна не упитанность животного²¹, а эффект, который термическая обработка произведет на мясо²². Тот же нюанс ощущается и в использовании $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ у Ликофрона при описании одного из подвигов Геракла, когда герой, чтобы победить чудище, насланное Посейдоном, дает себя проглотить, а затем начинает кромсать его изнутри:

- (5) $\epsilon\mu\pi\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\acute{\epsilon}\ \delta\alpha\iota\tau\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \eta\pi\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$
 $\tau\iota\nu\theta\grave{\omega}\ \lambda\acute{\epsilon}\beta\eta\tau\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\phi\lambda\acute{\omicron}\gamma\omicron\iota\varsigma\ \epsilon\pi'\ \acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\alpha}\rho\alpha\iota\varsigma$
 $\sigma\mu\grave{\eta}\rho\iota\gamma\gamma\alpha\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\alpha}\lambda\alpha\chi\epsilon\ \kappa\omega\delta\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \pi\acute{\epsilon}\delta\omega\ldots$ (Lyc. Al. 35—37)
 ‘Не перестав дышать (= чудом выживши), сделавшись кравчим печени [чудища], ваярь в парах котла на безогненном очаге, он потерял волосы, которые упали с его головы на землю’.

Использование глагола * $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega$ в этом контексте настолько неожиданно, что Гезихий не нашел ему иного объяснения, нежели $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\cdot\tau\alpha\rho\alpha\tau\tau\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ ‘охваченный волнением’ (Hsch. ϕ 638)²³. Схолии к Ликофрону объясняют выбор глагола более тонко: $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\cdot\phi\lambda\omicron\gamma\iota\zeta\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\cdot\gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\tau\alpha\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\alpha}\pi\omicron\delta\ \tau\omicron\upsilon\ \phi\lambda\omicron\gamma\omicron\omicron\iota\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ ‘ $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, опаляемый; ведь от $\phi\lambda\omicron\gamma\omicron\omicron\iota\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ происходит и $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ ’ (schol. in Lyc.

¹⁹ Гой и Шольфильд переводят Nic. Alex. 62 как «also you should render down the fresh meat of an ox **abounding in fat**...» ([Gow, Scholfield 1953: 99]; ср. Nic. Alex. 556a: «curative too the flesh of a hog **abounding in fat**...» [Gow, Scholfield 1953: 131]). Ж.-М. Жак в своем переводе обыгрывает два значения глагола $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\nu$ (набухнуть и разорваться), благо французский язык это позволяет: «*fais fondre les chairs fraîches d'un bœuf tout craquant de graisse*...» ([Jacques (éd.) 2007: 7] к стиху Nic. Alex. 62); «*bon remède aussi, les chairs d'un porc tout craquant de graisse*...» ([Jacques (éd.) 2007: 51], к Alex. 556a).

²⁰ Об использовании $\acute{\epsilon}\nu\alpha\lambda\lambda\alpha\gamma\acute{\eta}$ в эллинистической литературе, см. [Bers 1974: 44—45]. В данном случае фигура позволяет избежать зияния, которое бы возникло при аккумуляте (* $\gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\ \pi\epsilon\rho\iota\phi\lambda\acute{\iota}\omicron\nu\tau\alpha\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\iota\phi\grave{\eta}$).

²¹ Так, Гомер при описании тучного скота использует глаголы $\theta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ и $\theta\alpha\lambda\acute{\epsilon}\theta\omega$ ‘цвести, изобиливать’: $\acute{\epsilon}\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \sigma\upsilon\delta\acute{\omicron}\varsigma\ \sigma\acute{\iota}\alpha\lambda\omicron\iota\omicron\ \rho\acute{\alpha}\chi\iota\nu\ \tau\epsilon\theta\alpha\lambda\upsilon\tau\acute{\iota}\alpha\nu\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\iota\phi\grave{\eta}\ldots$ ‘возложил [на жертвенный костер] и окорок свиньи, изобилующий жиром...’ (Hom. II. 9, 208; cf. Od. 13, 410); $\pi\omicron\lambda\lambda\omicron\iota\ \delta\acute{\epsilon}\ \sigma\upsilon\epsilon\varsigma\ \theta\alpha\lambda\acute{\epsilon}\theta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\omicron\iota\phi\grave{\eta}\ldots$ ‘[были зарезаны] многие свиньи, изобилующие туком...’ (Hom. II. 9, 467 и 23, 32; cf. LfggEр [1955-2006: II, 965, s.v. $\theta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$]). К слову, именно эти выражения послужили моделью для Никандра в Alex. 62 и 556a.

²² У Каллимаха та же идея передается глаголом $\mu\acute{\epsilon}\lambda\delta\omega$ ‘делать мягким, тающим’: $\gamma\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\ \beta\omicron\omega\delta\acute{\omicron}\nu\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\delta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ ‘томя внутренности (т. е. мясо) быков’ (Call. fr. 309 Pfeiffer). К сожалению, более широкий контекст фрагмента не сохранился.

²³ Гезихию свойственно глоссировать глаголом $\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ выражения, обозначающие неприятное для реципиента действие, внутреннюю форму или нюансы употребления которых он уже не чувствует (ср. Hsch. к 912; к 3033; σ 802). Лемма $\phi\lambda\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\omega\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (Hsch. ϕ 638) указывает на то, что Гезихий, скорее всего, глоссировал употребление глагола в Lyc. Al. 35 [Hansen, Cunningham (eds.) 2009: 169]; но ср. Suid. ϕ 549.

35). Хотя предложенная словообразовательная модель невозможна, схолиаст верно подметил игру слов φλοιδούμενος ~ ἀφλόγοις²⁴. Несомненно правильное понимание φλοιδούμενος представлено в современных изданиях Ликофрона, которые переводят φλοιδούμενος τινθῶ λέβητος ἀφλόγοις ἐπ' ἐσχάrais как «seething in the steam of cauldron on a flameless hearth» [Mair, Mair (eds.) 1955: 323], «bouillonnant de la vapeur d'un chaudron sur un foyer sans flamme» [Hurst, Kolde (eds.) 2008: 4]. Такое понимание φλοιδούμενος акцентирует внимание на величии подвига Геракла, взявшего верх над чудовищем в нечеловеческих условиях: сделанная ему Афиной броня сохранила ему жизнь, но оказалась «котлом на безогненном очаге». Отметим также, что в результате воздействия среды Геракл облысел (Лус. Al. 37 использует глагол ἐστάλαξε)²⁵; если бы φλοιδούμενος был эквивалентен φλογίζόμενος, волосы не выпали бы, а оказались бы обожжены.

Итак, в литературных употреблении φλίω и родственных ему слов отчетливо угадывается значение 'испускать жизненные соки', 'сочиться'. Выделив его в качестве отдельного значения, семантическое развитие семьи можно восстановить следующим образом:

'сочиться' > 'набухать', 'наливаться соками' > 'прорваться' (о нарывах)

Теперь можно обратиться к вопросу о происхождении расширителя -δ-. Как отмечают этимологические словари, семья φλίω / φλιδάω обнаруживает аналогические связи с двумя другими семьями.

1. φλύω / φλυδάω. Среди производных глагола φλύω ('наливаться соком', 'вскипать', 'vomire', 'болтаться вздор'), схожего с φλίω / φλιδάω как фонетически, так и семантически, обнаруживаются формы с расширителем -δ-: φλυδάω 'быть мокрым, дряблым'; прилагательное φλυδαρός 'дряблый, влажный'; ἐκφλυνδάνω 'разорваться (о нарывах, язвах)'²⁶. Хотя φλυδάω характеризуется как «морфологическая параллель» к φλιδάω²⁷, постулировать влияние φλυδάω на φλιδάω не получается, поскольку образования от φλυδάω значительно менее разнообразны, нежели производные от φλιδάω; кроме того, происхождение -δ- в самом φλυδάω не очевидно, ведь, за исключением φλυδάω, φλυδαρός и ἐκφλυνδάνω, семья φλύω отличается склонностью к заднеязычным, а вовсе не зубным расширителям (ср. аорист ἔφλυξα; φλύκταινα 'нарыв'; διάφλυξις и ἐπιφλυγμός 'гнойный нарыв' и др.)²⁸. Итак, φλυδάω не только не может быть использован для объяснения расширителя -δ- в φλιδάω, но и сам мог быть образован по аналогии с ним.

2. Φλίω / φλιδάω и их производные также обнаруживают параллелизм в развитии с семьей χλίω / χλαιῖνω / χλιδάω, как отмечалось уже Шантреном (который, впрочем, не указывает,

²⁴ Шантрен [DELG: 1213, s.v. φλίω], поясняя φλοιδούμενος и φλοιδιῶν как «'avoir des cloques' dues à une brûlure, 'être brûlé'», похоже, следует схолии к Лус. Al. 35 (ср. также «φλοιδέω [h[apax]], amburo» у [Ciani 1975: 327, s.v. φλοιδέω]).

²⁵ Ср. пересказ у Цецев: Τριῖς δὲ ἡμέραις ἔνδοθεν κατακόπτων αὐτὸ ἐξῆλθεν ἀποβεβληκῶς καὶ τὴν τῆς ἑαυτοῦ κεφαλῆς τρίχα 'в течение трех дней рубя его изнутри, он вышел, потеряв даже волосы со своей головы' [Müller 1811: 328].

²⁶ Глагол ἐκφλυνδάνω встречается дважды при описании язв в трактате гиппократова корпуса «О внутренних болезнях» (Hr. Int. 13, 46). В обоих случаях используется выражение ἔλκεα ἐκφλυνδάνει 'появляются язвы с нарывами', причем совпадение формулировки может свидетельствовать о принадлежности медицинской терминологии.

²⁷ Ср. [DELG: 1213, s.v. φλίω]: «du reste, φλυδάω est le parallèle morphologique de φλιδάω»; [DELG: 1213, s.v. φλυδάω]: «on posera *bhl-u-d-* parallèle à *bhl-i-d-* que suppose φλιδάω»; см. также [EDG: 1580, s.v. φλιδάω]. Вайн [Vine 1981: 195—196] идет еще дальше, сводя к одному корню не только φλιδάω и φλυδάω, но и φλέδων / φледών 'болтун', а также φλαδεῖν 'разрываться' (ср. φληδόντα: ληροῦντα, Hsch. φ 604), причем никак не комментируются различия в тембрах корневого гласного и не упоминаются образования с другими расширителями. Подробнее о φλύω и его производных см. [Pfister 1969: 79—80; Melchert 1977: 119—120].

²⁸ Например, у Фриска [GEW: 1026, s.v. φλέω]: «Dazu φλύζω wie βλύζω, κλύζω [...] mit φλύζαι, dessen Guttural auch in φλύκταινα [...] erscheint und alt sein kann».

который из корней влиял на другой)²⁹. На наш взгляд, подробное сопоставление двух семей позволит ответить на этот вопрос (см. данные в таблице).

Таблица

Семьи *χλίω* и *φλίω* в древнегреческом языке

<i>*g^hleǵ(d)-</i>		<i>*b^hleǵ(d)-</i>
<i>χλίω</i> ‘быть теплым’, ‘роскошничать, гордиться’	> <i>ἐγγλίω</i> ‘насмехаться над кем-либо’, <i>ἐγγλίαμα</i>	<i>φλίω</i> (<i>περιφλίοντος</i>) ‘истекать’
<i>χλία</i> ‘тепло’	>	—
	<i>χλιαίνω</i> ‘нагревать, согревать’ > <i>χλιάσματα</i> ‘припарки’	—
	<i>χλιαρός</i> ‘теплый’	<i>φλιαρός</i> (?) ³⁰
	<i>χλιάζω</i> и ?* <i>χλιάω</i> (прич. <i>χλιώνοντι</i> ³¹)	—
<i>χλιδή</i> ‘роскошь; богатство; прелесть; гордость’	>	—
	<i>χλιδάω</i> ‘роскошествовать; гордиться, кичиться’ > <i>χλιδήμα</i> ‘роскошь, пышность’	<i>φλιδάω</i> ‘истекать’, ‘набухать’, ‘прорваться’
	<i>χλίδων</i> ‘украшение, драгоценность’	<i>φλιδόνες</i> ‘дыры, прорехи’ или ‘пульсация’
	<i>χλιδανός</i> ‘сладострастный, изнеженный’ > <i>χλιδάινομαι</i> ‘роскошествовать’	—
	<i>χλίδος</i> ‘украшение’	—
Глоссы	<i>κεχλιδότα ἀνθοῦντα</i> ‘цветущий’ (Hsch. κ 2421)	—
	<i>διακεχλοιδώς</i> · <i>διαρέων ὑπὸ τρυφῆς</i> ‘растекающийся в неге’ или ‘вырождающийся от роскоши’ (Hsch. δ 1051) ³² <i>διακεχλοιδέναι</i> · <i>θρύπτεσθαι</i> ‘быть изнеженным’ (Hsch. δ 1074)	<i>διαπέφλοιδεν</i> ‘растекся’ <i>διαπεφλοιδέναι</i> ‘покрыться нарывами’ <i>πεφλοιδώς</i> (?) см. сноску 16)
	<i>χλοιδῶν</i> · <i>διέλκεσθαι καὶ τρυφᾶν</i> ‘убивать время и жить в роскоши’ (Hsch. χ 535) <i>χλοιδῶσι</i> · <i>θρύπτονται</i> ‘они изнежены’ (Hsch. χ 537) <i>χλοιδέσκουσαι γαστρίζουσαι</i> ‘наполняющие желудок’ (вероятно, в смысле ‘угощающие’) (Hsch. χ 536)	<i>φλοιδιᾶν</i> ‘страдать от ожогов’

²⁹ Так, Шантрэн [DELG: 1213, s.v. *φλίω*] : « Morphologiquement, la série *φλίω*, *φλι-αρός*, *φλιδ-άω*, *φλιδ-όνες* a son parallèle exact avec *χλίω*, *χλι-αρός*, *χλιδ-άω*, *χλιδ-ων* et d’autre part, *φλοι-διᾶν* a le même vocalisme que *χλοιδ-ᾶν* ».

³⁰ Прилагательное *φλιαρός* известно только по глоссе *φλιара*· *χλιара* (Hsch. φ 610); отсутствие контекста не дает определить, отражает ли объяснение лексикографа реальное значение *φλιαρός* или основано на созвучии.

³¹ Глагол *χλιάω* можно восстановить из чтения *χλιώνοντι* у Никандра (Alex. 110); другие рукописи читают *χλιδέντι*, что подразумевает прилагательное *χλιδείς*. Ни то, ни другое чтение не имеет преимущества как *hara*х *legomena* (подробнее см. [Jacques (éd.) 2007: 90]).

³² Глосса Гезихия, вероятно, опирается на комедиографа Архиппа, у которого *διακεχλιδώς*, характеризовал сына Алкивиада: *βαδίζει... / διακεχλιδώς, θοίματιον ἔλκων, ὅπως / ἐμφερὴς μάλιστα τῷ πατρὶ δόξειεν εἶναι* ‘идет [этот юнец]... изнеженный, волоча свой гиматий, чтобы как можно более быть похожим на отца’ (Archipp. fr. 48 Kassel, Austin).

Сопоставление приведенных данных показывает, что производные от φλῖω / φλιδάω отличаются случайным, нерегулярным характером образования, тогда как семья χλῖω / χλιδή значительно более системна и склонна следовать устойчивым словообразовательным моделям: в паре χλιαρός ~ χλιαίνω узнается чередование, известное по таким парам, как μιαρός ‘грязный, нечестивый’ ~ μιαίνω ‘осквернять’ и κυδρός ‘славный’ ~ κυδαίνω ‘славить, почитать’ [Benveniste 1984: 16—18; Chantraine 1933: 226; Fraenkel 1909: 114—116], отдельно ο μιαρός ~ μιαίνω, см. [Blanc 2001]; слитный глагол χλιδάω образован от существительного χλιδή, следуя продуктивной модели образования деноминативных глаголов (ср. νίκη ‘победа’ > νικάω ‘побеждать’, θήρα ‘охота’ > θηράω ‘охотиться’). Большая продуктивность корня *g^hlei(d)-*, равно как и системность использованных словообразовательных моделей, позволяет предположить, что именно он послужил основой для аналогических образований в семье φλῖω / φλιδάω. Разумеется, не следует ожидать, чтобы параллелизм между семьями выдерживался строго: так, в слове φλιδόνες (от незасвидетельствованного *φλιδών) обращает на себя внимание ударение, отличающее его от χλιδών; а форма φλοιδιῶν, близкая по огласовке и по формации к χλοιδῶν, отличается от нее дополнительной -ι- (обе пары выделены в таблице жирным курсивом). Наконец, две формы в семье φλῖω / φλιδάω не имеют точных аналогов среди производных от χλῖω / χλιδή, а именно ἔφλιδεν и φλιδάνω, однако по огласовке и структуре корня ἔφλιδεν сопоставим с причастием κεχλιδώς (Hsch. к 2421), а суффикс, использованный при образовании φλιδάνω, близок χλιδανός и χλιδαινομαί.

Легко заметить, что с точки зрения семантики семья χλῖω / χλιδή отличается широким спектром значений, основными из которых являются:

1. **‘тепло’**. Наиболее часто χλῖω и его производные используются для обозначения согревания: οὐκοῦν, ἐπειδὴ πῦρ ἔχεις, σὺ χλιανεῖς σεαυτόν; ‘ну, раз у тебя есть огонь, почему бы тебе не согреть себя самому?’ (Аг. Lys. 386). В частности, в медицинском языке они обозначают согревающие ванны и иные процедуры (ср. χλιάσματα ‘припарки’); медицинское употребление χλιδάω обыгрывается Пиндаром, когда он обещает получившему травму атлету, что эпипикий будет для того благотворнее теплых ванн: χλιδῶσα δὲ μολπὰ πρὸς κάλαμον ἀντιάξει μελέων ‘трежущая (или нежная) песнь будет отвечать мелодии свирели...’ (Pi. O. 10, 84).

2. **‘украшение’**. Производные от χλῖω / χλιδή используются также для обозначения украшений, причем особенно блестящих украшений из металла или драгоценных камней: ἕκαστος δὲ τούτων ἑσπεφάνωτο κεχρυσωμένῳ στεφάνῳ καὶ παρ’ ἑκατέραν τῶν σιαγόνων εἶχεν ἐξηρτημένον κώδωνα χρυσοῦν, περὶ δὲ τοὺς τραχήλους χλιδῶνας λιθοκολλήτους ‘каждый (из мулов) был украшен позолоченным венком и у каждой щеки имел по золотому колокольчику, а на шеях кованые ошейники, инкрустированные драгоценными камнями’ (D. S. 18, 27, 5). Впоследствии χλιδή и его производные стали обозначать любые украшения, так что в ряде контекстов невозможно установить, насколько конкретно употреблены эти слова: ср. [...] ἀνθηρὸς μὲν εἰμάτων στολῇ / χρυσῷ τε λαμπρὸς, βαρβαρῷ χλιδήματι ‘[Парис], цветастый сочетанием одежд, сверкающий золотом, своим варварским убором’ (E. I. A. 73—74).

3. **‘роскошь, изнеженность’**. Значение это является производным от первых двух, сочетая в себе как восходящий к первому значению оттенок ‘изнеженный’, так и производный от второго оттенок ‘склонный к роскоши (в уборе)’. В литературе встречаются оба оттенка: так, ὁρῶ σε ἐρῶντα οὐχ ἄβρότῳ χλιδαινομένου οὐδὲ μαλακίᾳ θρῦπτομένου ‘я вижу, что тот, в кого ты влюблен, не млеет в неге и роскошествует в чувственности’ (Xen. Smr. 8, 8, где χλιδαίνω указывает на изнеженность); ἐμτροφόρουν τε κάχλιδων Ἰωνικῶς ‘[Ивик и Фриних] стали носить митры и роскошно одеваться (украшать себя) на ионийский манер’ (Аг. Th. 163, где ἐχλιδών обращает внимание на роскошь украшений). В свою очередь значение ‘роскошь’ дало начало еще одному переносному употреблению χλῖω / χλιδή для обозначения **гордости и спеси**. Так, в жалобе Электры χλῖω отсылает одновременно и к роскошному образу жизни и к спеси: οἱ δ’ ὑπερκόπως ἐν τοῖσι σοῖς πόνοισι χλῖουσιν

μεγα [Клитемнестра же и Эгисф] надменно роскошествуют плодами твоих трудов' (A. Ch. 136—137)³³.

При таком разнообразии употреблений установить исходное значение корня нелегко: значение 'роскошь' и 'спесь' явно являются производными, но переход значения от 'тепло' к 'украшение' менее очевиден. Вероятно, из-за неоднозначной семантики χλῖω / χλιδή греческий материал не принимается во внимание при разборе *g^hlei(d)-, а сам корень не был включен в словари индоевропейской лексики [LIV; NIL], несмотря на близкие с точки зрения фонетической структуры параллели в германских языках. В самом деле, корень *g^hlei- и его вариант *g^hleid- хорошо представлены в германских (и частично в кельтских) языках, как видно по материалу, собранному Кроненом [EDPG: 181—182].

*g^hlei-

*glīwa-: др.-исл. glý 'радость', др.-англ. glīw, glēow 'забава, шутка; насмешка' (давнее англ. glee); др.-ирл. glé 'яркий'; др.-исл. gljá; фарерск. glíggja; норв. gljá 'сиять'

*glīman-: норв. glima 'сиять', ср.-верх.-нем. glīmen 'сиять', др.-верх.-нем. glīmo / gleimo 'светлячок', др.-англ. glēm 'лучиться, мерцать'

*g^hleid-

*glīt(t)on-: исл. glita 'сверкать, вспыхивать'; ср. голл. glitten 'сверкать, искриться', нем. glitzen 'сиять'

*glītan-: др.-сакс. glītan 'сиять, сверкать', др.-верх.-нем. glīzan 'сверкать' (давнее нем. gleißen); др.-англ. glitenian 'блестеть; проявить себя'; др.-верх.-нем. glizinōn; ср.-верх.-нем. glitzenen 'сиять'; исл. glitra 'сиять, сверкать'; др.-англ. glitorian 'сверкать'; ср.-верх.-нем. glitzern 'сверкать'; др.-верх.-нем. glizemo; гот. glitmunjan- 'мерцать'.

Несмотря на сходство корней, реконструируемых для германского и греческого материала, этимологические словари без энтузиазма относятся к их сближению³⁴, главным образом из-за семантики. Однако эта проблема не представляется непреодолимой, если принять за исходное значение 'холодный свет'. В самом деле, в германских языках *glīwa-, *glīman-, *glīt(t)on-, *glītan- сосуществуют с другими обозначениями для света, и смысловой оттенок 'яркий, но не греющий свет' ощущается в большей части их производных: так, для исл. gljá отмечаются значения 'glitter, brilliancy; glittering plain (from ice or frozen snow)' [Zoëga 1922: 165, s.v. gljá], тогда как обычный дневной свет чаще обозначается глаголом ljóma 'светить' (ср. dagur ljómar 'светает')³⁵; ср. также гот. jah wastjos is waurpun glitmunjandeins, hveitos swe snaiws 'и его одежды стали сверкающими, белыми как снег' (перевод Mk 9: 3). В греческом значение 'блестеть' напрямую засвидетельствовано в χλιδος и χλιδων, обозначающие (инкрустированные) украшения; значение же 'согревать / теплеть' вполне может отражать идею холодного, (еще) негреющего солнечного света. Такая реконструкция объясняет,

³³ Глагол χλιδάω также может использоваться исключительно в моральном значении: например, у Эсхила (A. Pr. 971—973).

³⁴ Так, Шантрен [DELG: 1263, s.v. χλαινῶ] пишет: « Pas d'étymologie plus précise que des rapprochements avec des formes celtiques et germaniques désignant l'éclat, ce qui ne satisfait que médiocrement »; схожую позицию мы находим у Бекеца [EDG: 1638, s.v. χλαινῶ], а Кронен [EDPG: 181—182] при разборе германского материала не упоминает греческие параллели вовсе.

³⁵ Корни, обозначающие сияние и свечение в индоевропейских языках, удобно собраны в [Buck 1949: 1046—1048]. Северное положение германских народов, возможно, объясняет тот факт, что именно в этой группе корень *g^hlei(d)- не только остался употребительным, но и сохранил значение, близкое к исходному.

в частности, двоякое использование прилагательного *χλιαρός* ‘теплый’, которое регулярно противопоставляется как *ψυχρός* ‘холодный’, так и *θερμός* ‘горячий’, как, например, у Геродота при описании необычного источника:

- (6) Τυχάνει δὲ καὶ ἄλλο σφι ὕδωρ κρηναῖον εἶν, τὸ τὸν μὲν ὄρθρον γίνεται *χλιαρόν*, ἀγορῆς δὲ πληθουσίης ψυχρότερον· μεσαμβρίῃ τέ ἐστι καὶ τὸ κάρτα γίνεται ψυχρόν [...] ἀποκλινομένης δὲ τῆς ἡμέρης ὑπίεται τοῦ ψυχροῦ, ἐς οὗ δύεται τε ὁ ἥλιος καὶ τὸ ὕδωρ γίνεται *χλιαρόν* ἐπὶ δὲ μᾶλλον ἰὸν ἐς τὸ θερμὸν ἐς μέσας νύκτας πελάζει, τηγικαῦτα δὲ ζέει ἀμβολάδην· παρέρχονται τε μέσαι νύκτες καὶ ψύχεται μέχρι ἐς ἡῶ (Hdt. 4, 181).

‘Есть у них и другая ключевая вода, которая рано утром становится теплой, а в час, когда заполняется рынок, более холодной, а в полдень — чрезвычайно холодной. [...] Когда же день уже клонится к закату, она становится менее холодной; с момента захода солнца и вода становится теплой; она становится все более и более горячей по мере приближения к полуночи, и тогда кипит, клокоча. Но вот полночь прошла, и она остывает вплоть до зари’.

В этом описании слово *χλιαρός* использовано дважды, в первый раз применительно к теплой в утренние часы воде источника, где оно выступает антонимом *ψυχρός* (ледяной температуре воды в середине дня); во второй раз оно определяет воду, постепенно прогревающуюся на закате дня, так что оказывается противопоставлено уже *θερμός* и глаголу *ζέω*.

Итак, сопоставление греческого и германского материала позволяет восстановить **g^hlei(d)-* на праиндоевропейском уровне (в отличие от **b^hlei(d)-*, для которого такое восстановление сомнительно), и именно под аналогическим влиянием его дериватов *χλίω* / *χλιδή* интересующий нас корень **b^hlei(d)-* получил расширитель *-d-*, равно как и *o*-огласовку в перфектных формах (*χλιδάω* : *φλιδάω* ср. *διακεχλοιδέναι* : *χ*, следовательно *χ* = *διατεφλοιδέναι*). Вероятно, основной причиной перестройки семьи *φλίω* по подобию *χλίω* и его производных стало близкое звучание глаголов, а также тенденция элиминировать сочетания гласных (особенно в коротких глагольных формах) за счет добавления суффиксов, инфиксов или расширителей. Нельзя также исключать семантическую связь *χλίω* и *φλίω* в определенных контекстах (например, при описании весенней природы, пригревающего солнца и набухания почек); хотя с уверенностью восстановить подобные коллокации невозможно, глосса *φλιάρᾱ·χλιάρᾱ* (Hsch. ф 610) свидетельствует о том, что эти семьи ассоциировались друг с другом у носителей греческого языка. Языковые данные ясно указывают на аналогическое влияние именно семьи *χλίω* на *φλίω*, а не наоборот. Следовательно, вопреки тому, что мы находим в [LIV], глагол **g^hlei(d)-* должен быть включен в число праиндоевропейских корней с расширителем, а корень **b^hlei(d)-*, напротив, может быть из него исключен.

3. Аналогия и расширитель *-k-* в корнях **h₂uelk-* и **selk-*

Наблюдение за аналогическим переходом расширителя от одного корня к другому оказывается значимым при изучении похожих переходов на праиндоевропейском уровне. В качестве примера такого перехода будет взято одно из слов, входящих в базовый сельскохозяйственный лексикон — борозда, которую оставляет при пахоте плуг.

В греческом языке слово, обозначающее борозду, имеет целый ряд вариантов, зависящих от диалекта и эпохи, поэтому целесообразно начать обзор с гомеровского языка, в котором слово представлено в близкой к исходной форме. У Гомера дважды встречается аккузатив *ῥλκα* (ср. Шмидт в LfgGEp [1955-2006: IV, 1342, s.v. *ῥλκα*]) указывает начальную форму этого существительного как *αῤλαξ*), причем в обоих случаях форма сопряжена с метрической нерегулярностью. В первом примере *ῥλκα* встречается в эпическом сравнении, уподобляющем натиск Аянтов координированному и мощному движению волнов:

- (7) ἄλλ' ὥς τ' ἐν νειῶ βόε οἶνοπε πηκτὸν ἄροτρον
ἶσον θυμὸν ἔχοντε τιταίνετον· ἀμφὶ δ' ἄρά σφι
πρυμνοῖσιν κεράεσσι πολὺς ἀνακηκίει ἰδρώς·
τῷ μὲν τε ζυγὸν οἶον εὐζοον ἀμφὶς ἐέργει
ἰεμένω κατὰ ὄλκα· τέμει δέ τε τέλσον ἀρούρης·
ὥς τὼ παρβεβαῶτε μάλ' ἔστασαν ἀλλήλοισιν (Il. 13, 703—708).
‘Но как на новине двое быков цвета вина, имеющие равное упорство, тянут плотно
сколоченный плуг, а у основания их рогов струится обильный пот; и единый складный
плуг разделяет их, движущихся вдоль по борозде, и наконец достигает веги в конце
поля; так и [двое Аянтов], встав рядом, держались друг друга’.

Зияние в выражении *ἰεμένω κατὰ ὄλκα* объясняется влиянием дигаммы вкупе с реинтерпретацией словораздела, а исходная форма выражения восстанавливается как *κατ' ἄφολκα [Schindler 1972: 34; Solmsen 1901: 258—260; Risch 1974: 6, § 3b; LIV: 290, s.v. **h₂uelk-*; Beekes 1969: 276; Janko 1992: 135 ad Il. 13, 703—707; Reece 2009: 148—149]. Присутствие в Il. 13, 703—708 в этом сравнении других архаических элементов (таких как οἶνοψ применительно к волам; форма τέμει; редкое слово τέλσον³⁶) поддерживает реконструкцию древней синтагмы с переосмысленной впоследствии внутренней формой. Ровно такое же зияние наблюдается во втором примере ὄλκα у Гомера в словах Одиссея, бросающего вызов Евριмаху:

- (8) εἰ δ' αὖ καὶ βόες εἶεν ἐλαυνέμεν, οἳ περ ἄριστοι,
αἰθωνες μεγάλοι, ἄμφω κεκορηότε ποιῆς,
ἤλικες ἰσοφόροι, τῶν τε σθένος οὐκ ἀλαπαδόν,
τετράγυον δ' εἶη, εἵκοι δ' ὑπὸ βῶλος ἀρότρω·
τῷ κέ μ' ἴδοις, εἰ ὄλκα διηνεκέα προταμοίμην (Od. 18, 371—375).
‘Если же нам было бы дано по паре волов — самых лучших, огненного цвета, больших, вдоволь наевшихся травы, равных лет и равной выносливости, мощь которых не истощается легко, — а поле было бы в четыре дневные меры³⁷, и почва поддавалась плугу; тогда бы ты увидел, смогу ли я провести ровную (букв. непрерывную) борозду’.

Вопреки греческой просодии, требующей сокращения долгого гласного или дифтонга в конце слова перед гласным, εἰ в ст. 375 явно читается как долгий слог, занимающий слабую долю второй стопы. Сходство приведенных контекстов³⁸ позволит заключить, что описание пахоты входило в инвентарь типических сцен, которыми мог воспользоваться поэт-импровизатор. Оба пассажа опираются на эту традицию (очевидно, независимо друг от друга); следует, однако, заметить, что если в Il. 13, 703—708 архаизм τέμει сохраняется, то в Od. 18, 371—375 он переосмыслен в виде формы προταμοίμην.

³⁶ Эпитет οἶνοψ у Гомера исключительно определяет цвет моря, кроме данного стиха и Od. 13, 32, где он передает масть волов (βόε οἶνοπε); на архаичность этого употребления указывает то, что прилагательное засвидетельствовано в микенском как часть клички быка (*wo-no-qa-so* KN Ch 897, 1015; [Казанскене, Казанский 1986: 95] дают перевод ‘с гнедым крупом’). Форма τέμει является *h₂arek* legomenon: в отличие от античной народной этимологии, связывавшей ее с τέμνω ‘резать’ (cf. A. R. 3, 412; Call. Dian. 180), Монро правильно увидел в τέμει презентную форму к ἔτεμνω ‘достиг’ [Monro (ed.). 1928: 281 ad Il. 13, 707; Chantraine 1948: 309]. Наконец, τέλσον принадлежит к сельскохозяйственной лексике и обозначает точку поворота плуга в конце поля; изолированность термина несомненно свидетельствует об его архаичности (о происхождении и использовании τέλσον см. [Forbes 1958: 260—261; Beekes 1969: 275—276]; менее убедительно [Pisani 1940: 3—6; Puhvel 1964: 184—185]).

³⁷ Ο γύης как мере земли, которая может быть обработана за день, см. сноску 56.

³⁸ Помимо использования формы ὄλκα в зиянии контексты сближает необычное обозначение масти быков (βόε οἶνοπε, Il. 13, 703 ~ βόες αἰθωνες, Od. 18, 371—372); использование дуалиса (более значительное в Il. 13, 703—708, только ἄμφω κεκορηότε ποιῆς в Od. 18, 372); упор на слаженность упряжки (особенно ἶσον θυμὸν ἔχοντε Il. 13, 704 ~ ἰσοφόροι Od. 18, 373).

Форма αῦλαξ, αῦλακος, впоследствии ставшая наиболее употребительной, причем вне зависимости от диалекта, на котором написан текст, засвидетельствована с Гесиода: ὅς κ' ἔργου μελετῶν ἰθεῖν αῦλακ' ἐλαύνει... '...который, заботясь о деле, пролагает прямую борозду' (Hes. Op. 443; cf. 439); ср. οὔτε ἀρότρη ἀναρρηγνύντες αῦλακας ἔχουσι πόνους... 'Им не приходится трудиться, проводя борозды плугом...' (Hdt. 2, 14); ὀρθὰς δ' αῦλακας ἐντανύσας / ἤλαν'... 'и прямые борозды он проложил энергично...' (Pi. P. 4, 227—228). В αῦλαξ дифтонг αὐ- отражает, несомненно, неслоговое -υ- (ср. [Schwyzer 1990: 224]), а вторая половина слова была переделана так, чтобы сблизить его с употребительным суффиксом -ак-: например, λεῖμαξ 'луг' (ср. λεῖμων с тем же значением), κλίμαξ 'лестница' (ср. κλίμα 'склон'), βῶλαξ 'ком земли' (ср. βῶλος, id.)³⁹. Отдельного упоминания заслуживает форма ἄλοξ, ἄλοκος, которой отдавали предпочтение трагики (ср. A. Ag. 1014—1016; A. Ch. 24—25). Форма ἄλοξ интерпретируется по-разному⁴⁰, однако ввиду того, что αῦλαξ и ἄλοξ у Аристофана взаимозаменяемы, очевидно, что они воспринимались как варианты одного слова. Отметим также, что оба слова (а также их производные αὐλακίζειν и ἀλοκίζειν) могут использоваться как в исходном значении, так и в переносных: в частности, о царях (A. Ch. 25) и в то же время о женщинах, способных к рождению детей (S. O.T. 1211; E. Ph. 18); глагол αὐλακίζειν / ἀλοκίζειν 'бороздить' и перифраза αῦλακα / ἄλοκα τέμνειν могут также использоваться о корабле, рассекающем волны, или о полете (Ar. Av. 1400)⁴¹. Наконец, слово ὁμόλακες, обозначающее у Аполлония Родосского сопредельность земель (букв. 'равнобороздные'), подразумевает существование формы ὦλαξ, как отмечалось уже античными филологами⁴²; у Зольмсена *ὦλαξ объясняется контаминацией αῦλαξ с гомеровским ὦλκα⁴³.

Таковы основные формы слова 'борозда'⁴⁴. В греческом языке лексема оказалась не слишком продуктивной (из производных регулярно употребляется лишь глагол αὐλακίζειν / ἀλοκίζειν; примечательно, впрочем, что форма *a-wa-ra-ka-na* (PY Un 1314)⁴⁵ показывает, что в микенском существовало и прилагательное, которое в классическом

³⁹ Разбор суффикса -ак- и категорий слов, в которых он появляется, см. у Шантрена [Chantraine 1933: 376—382].

⁴⁰ Шантрэн [DELG: 139, s.v. αῦλαξ] видит в ἄλοξ вариант формы ἄolk- с метатезой: « Ces variations compliquées pourraient s'expliquer par le caractère technique de ce mot ». Бекес исходно усматривал здесь двойную вокализацию -/- как -ло- / -ол- [Beekes 1969: 276—277]; позже он связал чередование с догреческим происхождением слова [EDG: 73—74, s.v. ἄλοξ].

⁴¹ «La situazione mi sembra indichi la storia di un termine che deve aver vissuto, sia pure un po' 'carsicamente' una vicenda 'mediocre': un termine 'tecnico', ampiamente sfruttato in poesia per le sue possibilità metaforiche ('solcare il mare', 'solcare il cielo'), ma non appartenente a un registro alto» [Dettori 2008: 268].

⁴² См. scholia vetera к Аполлонию Родосскому: ὁμόλακες: ὁμοῦροι. ὦλακα γὰρ τὴν αῦλακα Δωρικῶς: καὶ Ὀμηρος (N 707) 'ἰεμένω κατὰ ὦλκα' 'ὁμόλακες: пограничные; ведь форма ὦлака соответствует αῦлака в дорийском диалекте. Также и Гомер, «двигались вдоль по борозде» [Wendel 1999: 161, ad 369 b]. Почти идентичное пояснение дает «Etymologicum Magnum» (s.v. ὁμόλακες, p. 625 Kallierges).

⁴³ «ὦλαξ, das in Apollonios von Rhodos (II 396) zu grunde liegt und von den scholien z. st. dorisches genannt wird, ist aus ὦλξ und αῦλαξ verschränkt» [Solmsen 1901: 260]. Интерпретация Зольмсена принимается Шантреном [DELG 139: s.v. αῦλαξ], но не Бекесом, который выводит ὦлаξ напрямую из αῦλαξ: «αῦλαξ [...] which gives ὦλαξ by contraction» [EDG 74: s.v. ἄλοξ].

⁴⁴ Мы опустили несколько глосс, которые кажутся вторичными по образованию и в отсутствии контекста непоказательны с точки зрения семантики, в частности: αὐλάχα: ἡ ὕννις 'сошник' (Hsch. α 8286); ὀλοκες: αῦλακες 'борозды' (Hsch. ο 608; глосса, возможно, испорчена); ἀργυρεὰ εὐλάκα εὐλαξείν 'будут пахать серебряным плугом' (Th. 5, 16, 3; о чередовании αὐ- / εὐ- перед группой φρ, φλ, см. [Schwyzer 1990: I, 412]).

⁴⁵ Казанскене и Казанский интерпретируют форму *a-wa-ra-ka-na* как ном. (pl.?) *awlaknā*: «производное от αῦλαξ (*ἄρλαξ 'борозда'), возможно, обозначает часть рала: 'лемех'?» [Казанскене, Казанский 1986: 97]; более осторожную позицию занимал Чедвик [Chadwick 1973: 505], cf. [Reece 2009: 147, n. 141].

греческом не засвидетельствовано. Вариант ὄλξ в послегомеровском греческом встречается у эллинистических поэтов, которые, очевидно, вновь вводят его в употребление как более редкий и архаичный вариант нормативного αὔλαξ⁴⁶, причем само αὔλαξ тоже используется (Call. fr. 22; A. R. 3, 1347; Theoc. 10, 6; 13, 31; 25, 219 и т. д.). Кроме того, ὄλξ засвидетельствован в цитате из Эпихарма, которую приводят «Etymologicum Magnum» и «Etymologicum Genuinum» со ссылкой на Геродиана:

- (9) Hdn. Gr. vol. 3.2, p. 265 (= E. M. p. 199, 52 Kallierges):
 βλείς· Ἐπίχαρμος «τυρῶ βλείς»· φασὶν οἱ μὲν ἀπὸ τοῦ βληθείς καὶ κατὰ συγκοπὴν τοῦ η καὶ θ βλείς· ἢ ἀπὸ τοῦ βλήμι ὁ δεῦτερος ἀόριστος ἔβλην οἶον «πόθεν δ' ὠλκός εὐπετές ἔβλης»· ἢ μετοχῇ βλείς· κίνημα γὰρ καὶ οὐ συγκοπὴ· οὕτως Ἡρώδιανός περὶ παθῶν (cf. Etym. Gen. β 135)
 'βλείς: у Эпихарма 'пораженный сыром (βλείς)'. Одни говорят, что βλείς образован из βληθείς и что за счет синкопы η и θ получилось βλείς. Или же от βλήμι в качестве второго аориста ἔβλην, как в стихе 'с какой части борозды в тебя так легко попали?'. Причастие [от этого аориста] — βλείς. Ведь это передвижение, а не синкопа. Так толкует Геродиан в трактате «О выражениях».

К сожалению, отсутствие более широкого контекста и краткость данного фрагмента заставляет сомневаться в его интерпретации, а тот факт, что выражение взято из комедии, повышает вероятность того, что идея весьма нестандартна. Для ὠλκός как hapaх legomenon предлагались различные конъектуры, наиболее влиятельной из которых оказалось предложенное Кайбелем исправление ἐολκός, принятое в издании Касселя и Остина:

- (10) πόθεν δ' ἐολκός εὐπετές
 ἔβλης (Epich. fr. 173 Kassel—Austin = fr. 177 Kaibel)
 δ' ἐολκός Kaibel: δ' ἐωλ- 'B: δὲ ὠλ- 'A, 'A, Et. Magn.: δὲ θουῶλκος E. D. Francis CIR 23 [87] (1973) 2, duce Ahrens qui δὲ ἔλκος⁴⁷

Большая часть рукописной традиции дает чтение δὲ ὠλκός, и лишь одна рукопись сохраняет несомненно правильный словораздел δ' ἐωλκός. Текст исправлялся по-разному: Аренс предложил δὲ ἔλκος (исправление, которое предложил улучшить Френсис, δὲ θουῶλκος); Кайбель же предпочел следовать чтению рукописи 'B, лишь заменив легкое придыхание на густое (δ' ἐωλκός на δ' ἐολκός), предположив существование у глагола ἔλκω перфект ἔολκα наподобие ἔολτα от ἔλλομαι. Однако форма ἔολτα возможна только благодаря тому, что корень начинается с неслогового -μ-⁴⁸, которого в ἔλκω нет, не говоря уже о том, что ἐολκός относится к тому рискованному типу конъектур, которые восстанавливают нигде более не засвидетельствованные формы⁴⁹. Поэтому, хотя ряд словарей упоминает форму ἐολκός как возможную [DELG 340: s.v. ἔλκω; LSJ 534, s.v. ἔλκω], прав Вакернагель, отмечавший: «Das von Kaibel für Epicharm fr. 177 vermuthete ἐολκός ist zum mindesten zweifelhaft» [Wackernagel 1969: 1009, n. 1].

Итак, интерпретация πόθεν δ' ὠλκός как 'с какой борозды?' остается наиболее вероятной, и можно предположить, что ὠλξ, ὠλκός продолжало употребляться и после Гомера.

⁴⁶ Cf. A. R. 3, 1054; 3, 1333; Call. Dian. 180; Mosch. Eur. 81. В этих пассажах ὄλκα строго следует гомеровскому употреблению (например, единственным изменением в κατὰ ὄλκα у Аполлония является замена Acc. Sg. на Acc. Pl.) и призвано вызывать ассоциацию с гомеровскими поэмами. См. [Stephens 2015: 144, ad Call. Dian. 175], со ссылкой на [Bing 1988: 83—89].

⁴⁷ Критический аппарат приводится по [Kassel, Austin (eds.) 2001: 115].

⁴⁸ Корень восстанавливается как *μelp- [DELG: 342, s.v. ἔλλομαι; EDG: 415, s.v. ἔλλομαι]; о перфекте ἐφόλλα см. [Chantraine 1926: 30—31].

⁴⁹ Привычным перфектом от ἔλκω является εἴλκυκα; можно добавить в качестве argumentum ex silentio, что если бы в тексте Эпихарма действительно стояло ненормативное причастие перфекта ἐολκός, лексикографы, вероятно, отметили бы и эту аномальную форму.

В таком случае, переосмысление *кат' ἄρολκα в κατὰ ὄλκα (II. 13, 707), вероятно, объясняется стремлением приблизить архаическое выражение, сохраненное формульной поэзией, к современному Гомеру употреблению.

Форма *ἄρολκ-ς позволяет восстановить исходный корень как **h₂uelk-*⁵⁰, который также отражен в балтийских и славянских языках, а также, возможно, в авестийском:

- (11) лит. *velkù, vilkti* ‘волочить, тянуть; натягивать (о платье), надевать’; *vilinti* ‘тянуть (о времени; ср. проволóчка)’ и др.

старослав. *vlěko; vlačo, vlačiti*; польск. *wlec, wloke*; русск. *влечь; волочь*; сербо-хорватск. *vući, vučeti* ‘волочь’ и др.

авест. *varək-* ‘волочь’

Приведенный материал показывает, что основным значением **h₂uelk-* должно быть ‘волочить по земле’; соответственно, греч. ὄλξ (αὐλαξ) представляет борозду, оставленную плугом, как след волочения грядили по земле. Восстановление корня **h₂uelk-* соответствует тому, что в греческом слово ‘борозда’, при всем разнообразии форм, неизменно имеет легкое придыхание. Однако примечательно, что сами греки ассоциировали ὄλξ (αὐλαξ) с глаголом ἔλκω ‘тащить’ (от **selk-*). Эта народная этимология засвидетельствована у античных грамматиков: ὄλκα· «ἰεμένω κατὰ ὄλκα». παρὰ τὸν ἔλξω μέλλοντα ἔλξ, τροπῇ τοῦ εἰς ο ὄλξ καὶ ἐπекτάσει τοῦ ο εἰς ω ὄλξ ‘ὄλκα: ‘двигаясь вдоль по борозде’; от будущего времени ἔλξω ‘поташу’ [образовано] ἔλξ, [а от него] посредством смены ε на о — ὄλξ и посредством удлинения о в ω — ὄλξ’ (Philox. Gramm. fr. 634)⁵¹. Отражена она и в каламбурах, построенных на соположении ὄλξ и ἔλκω, например, при описании пахоты у Каллимаха:

- (12) ...εἰναετιζόμεναι **κεραελκέες**, αἱ μέγ' ἄρισταί
τέμνειν **ὄλκα** βαθεῖαν... (Call. Dian. 179—180)
‘...девятилетние стемфейские коровы, тянущие [плуг] рогами, те, что лучше всего умеют прорезать глубокую борозду...’

Каллимах характеризует коров изобретенным ad hoc эпитетом *κεραελκέες*, ср. [Stephens 2015: 145, ad Call. Dian. 179]. В соответствии со свойственной поэту установкой на максимальную емкость и многозначность, *κεραελκέες* одновременно указывает на особую структуру плуга, при которой дышло располагалось не на уровне шеи, но клалось быкам на рога⁵², а также отсылает к гомеровскому ἀμφὶ δ' ἄρά σφι / πρυμνοῖσιν κεράεσσι πολὺς ἀναγκίει ἰδρώς ‘а у основания их рогов струится обильный пот’ (II. 13, 705)⁵³ и, наконец, обыгрывает этимологию ὄλξ в ст. 180.

Сближение ὄλξ и ἔλκω повлияло также на отглагольное существительное ὀλκός, которое, помимо обозначения целого ряда устройств, сопряженных с действием ‘тянуть’ (таких как ‘возжи, поводья’, ‘лебедка’, ‘стоянка для вытасканных на берег кораблей’ и др.), используется в значении ‘борозда, черта’:

⁵⁰ См. у Кюммеля в [LIV: 289, s.v. **h₂uelk-*]. Об идее Бекеса, что αὐλαξ и ἄλοξ отражают лабиализованное /lʷ/ в догреческом субстрате [EDG: 74, s.v. ἄλοξ], см. ниже.

⁵¹ Этимология, предложенная Филоксеном, известна по словарю Ориона (Orion Et. p. 171; cf. p. 120); ср. также «Etymologicum Magnum» (821, 35 Kallierges) и список В «Etymologicum Genuinum» (s. v. ὄλκα); в списке А эта лемма отсутствует.

⁵² См. [Gow 1914: 269—271]. Колумелла рекомендовал отказаться от упряжи, при которой основной вес ложится на лоб быков, а не на их выи (Col. 2, 2, 22—23).

⁵³ Примечательно, что Лиф в комментарии к этим стихам так и понимал гомеровский текст: «The oxen are yoked by the horns instead of by the necks, a practice which is still habitual in Southern Europe» [Leaf (ed.) 1902: 52, ad II. 13, 705]. Впрочем, πρυμνοῖσιν κεράεσσι также могло быть перифрастическим обозначением лба у быков.

- (13) a. οὐ σπόρον ὀλοῖσιν Διοῦς ἐνὶβάλλομαι ἀκτὴν
 ἄλλ' ὄφιος δεινοῖο μεταλήσκοντας ὀδόντας... (A. R. 3, 413—414)
 ‘я бросаю в борозды не семя, плод Деметры, но зубы страшного змея, которые
 взойдут...’;
- b. ἀστὴρ ὧς φλεγέθοντα δι' ἡέρος ὀλκὸν ἴησιν... (A. R. 3, 141)
 ‘[мяч, который в полете] оставляет борозду в небе, словно звезда...’

Сближение ὦλξ (**h₂uelk-*) и ἔλκω (**selk-*) в греческом языке стало возможным благодаря исчезновению дигаммы в первом случае и ослаблению *s-*, давшему густое придыхание, во втором. Однако есть следы того, что ассоциация **h₂uelk-* и **selk-* может восходить еще к праиндоевропейскому уровню, ведь производные от **selk-* также используются для обозначения борозды и плуга. Так, к **selk-* восходит лат. *sulcus* ‘борозда’ (в прямом и переносном значении): *uineam putatam circumfodito, arare incipito; ultro citroque sulcos perpetuos ducito* ‘подрезанную лозу окопай и начни пахать; веги борозды ровно (букв. без перерыва), вперед и назад’ (Cato, Agr. 33, 2); *quod cum fit, omnibus uirentibus plurimum confertur; nam penitus aruis sulcatis maiore incremento segetum arborumque fetus grandescunt* ‘когда это удастся, достигается большая польза для всех растений, ведь внутри распаханного поля с бóльшей силой растут побеги посевов и деревьев’ (Col. 2, 2, 24); ср. также переносные употребления: *tamen (...) speculum inuises et aliquando relicto aratro mirarere tot in facie tua sulcos rugarum* ‘однако (...) загляни в зеркало и, оставив в какой-то момент свой плуг, подивись, как много морщин избородили твое лицо’ (Apul. Apol. 16); *tum longo limite sulcus / dat lucem* ‘и тогда борозда, [оставленная упавшей звездой] на ее долгом пути, дает свет’ (Verg. A. 2, 697—698). Кроме того, *sulcus* и особенно производный глагол *sulco*, -*āre* регулярно используется при описании плывущих кораблей⁵⁴. Таким образом, по своему использованию лат. *sulcus* соответствует αὐλαξ (в меньшей степени, ὀλκός)⁵⁵.

Кроме латинского языка корень **selk-* использовался в древнеанглийском, в частности, в слове *sulh* (plur. *syhl*) ‘плуг’, хотя засвидетельствовано также значение ‘в ложине пролегающая дорога’ (см. примеры в лексиконе [Bosworth, Toller 1921: 714, s.v. *sulh*]). От *sulh* ‘плуг’ получила название мера земли *sulung*, применявшаяся в Кенте как альтернатива привычной для средневековой Англии гайде (*hide*)⁵⁶. Иногда к **selk-* возводится и название тюленя в германских языках (англ. *seal* < ср.-англ. *sele* < др.-англ. *seolh*, др.-верх.-нем. *selah*, др.-исл. *selr*)⁵⁷. Эта хоть и не общепринятая (ср. у Кронена [EDPG: 432, s.v. *selha]: “A Germanic word with no certain IE etymology”) этимология представляется достаточно привлекательной:

⁵⁴ См. Verg. A. 5, 158; 10, 197; Ov. Met. 4, 707 и др. Та же метафора обнаруживается в употреблении αὐλακίζειν / ἄλοκίζειν (ср. также русск. *бороздить море / волны*).

⁵⁵ Примечательно, что сходство *sulcus* и ὀλκός отмечалось уже в античности: *sulcum quidam ex Graeco fictum, quia illi dicunt ὀλκόν* ‘некоторые считают, что слово *sulcus* создано по греческому образцу, поскольку те называют [борозду] ὀλκός’ (Fest. 302 = Paul. Fest. 303). Другие этимологии связывали *sulcus* с *solum* ‘почва’ (Isid. Orig. 17, 2, 5) или с *sustulit* ‘поднял’ (Var. L. 5, 39). См. [Maltby 1991: 593, s.v. *sulcus*].

⁵⁶ См. [Vinogradoff 1904; Гуревич 1957: 70]; Стентон объясняет название сулунга таким образом: «The terms ‘hide’ and ‘sulung’ stand, in fact, for two different types of tenement, one representing the amount of land which could support a peasant household, and the other the area which could be kept in cultivation by a single plough-team of eight oxen» [Stenton 2001: 281]. Кстати, в среднеанглийском слово *plow* ‘плуг’ также могло обозначать меру земли (ср. *Johan, min eldest sone, shall have plowes five, [...] And my middlste sone fif plowes of lond*, «Tale of Gamelyn», ca. 1350, vv. 57—59). Подобный метонимический переход широко распространен: ср. русск. *соха* для обозначения меры земли; греч. γῶης ‘грядиль у плуга’ > ‘мера земли, которая может быть вспахана за день’; лат. *iugerum* ‘югер’, от *iugum* ‘упряжка волов’.

⁵⁷ Эта этимология была принята Покорным [IEW: 901, s.v. *selk-*], и с одобрением приводилась Б. С. С. Хансеном на конференции «Etymology and the European Lexicon: 14th Fachtagung of the Indogermanische Gesellschaft» (Университет Копенгагена, 17—22 сентября 2012 г.).

название отсылало бы к своеобразным движениям этого млекопитающего, передвигающегося ползком и волочащего тело. Остальные приводимые словарями параллели [LIV: 530, s.v. *selk-; EDPG: 491, s.v. *sulha-] имеют значение ‘тянуть, волочить’ и по своей фонетической структуре и употреблению близки к ἔλκω:

- (14) **тох. А**   медиальная форма *sālkāte* ‘вытянул’;
тох. В   медиальная форма *slānktār* ‘вытягивает’; перфект (?) *sālkam* ‘он вытящен’;
албанск. *heq* (диал. *helq*) ‘вытягивает’⁵⁸.

Обзор лексем, восходящих к корням *selk- и *h₂uelk-, выявляет разительное сходство в их употреблении. Такое совпадение семантики вкупе с фонетической близостью вряд ли случайно и требует объяснения. Среди предлагавшихся решений наиболее влиятельными⁵⁹ оказались следующие подходы.

1. Еще в XIX в. была высказана догадка, что оба корня могут восходить к единому корню, в котором присутствует и -s-, и -u-: в этюде, посвященном греческому густому придыханию, Г. Д. Дарбишир реконструировал для αὔλαξ и ἔλκω единый корень *suelq- [Darbishire 1895: 49]; более традиционное для того времени представление см. там же [Ibid.: 36]⁶⁰. Предложение оказалось довольно популярным: Шпехт уточнил реконструкцию Дарбишира, предложив восстановление *suelk- [Specht 1939: 25—26], которое словари Покорного и Вальде и Хофмана считают весьма правдоподобным (IEW 901, s.v. *selk*-; LEW: II, 627, s.v. *sulcus*). Однако Фриск считал эту идею слабой⁶¹, а Шантрэн [DELG: 340, s.v. αὔλαξ] и Эрну и Мейе [DELL: 664, s.v. *sulcus*], не отвергая a priori идею восстановления единого корня, указывают, что тогда для праиндоевропейского слова ‘борозда’ придется постулировать чередование *selk- / *welk- / *swelk-.

В самом деле, у решения возвести и αὔλαξ и ἔλκω к одному корню есть недостатки. Восстановление *suelk- не противоречит части материала⁶², но со многими производными его сложно согласовать: в частности, в греч. ὤλξ (αὔλαξ) нет следа начальной дигаммы, а также ожидалось бы, что *su- даст густое придыхание, которое, однако, не наблюдается ни в одном деривате от ὤλξ [DELG: 340, s.v. αὔλαξ]; ср. [Reese 2009: 148, n. 146].

2. Бекес [EDG: 73—74, s.v. ἄλοξ] обращает внимание на чередования начального αὐ- / εὐ- (αὔλαξ наряду с εὐλάκα) и к / χ в основе (ὤλκα, αὔλαка наряду с αὔλαχα), а также на изолированность этой группы слов в греческом. На этом основании Бекес постулирует догреческое происхождение данной лексической семьи: по его гипотезе, ὤλξ, αὔλαξ и ἄλοξ оказываются не только не родственны ἔλκω [EDG: 412, s.v. ἔλκω], но и не связаны с глаголами *velkù*, *влачить* и т. д., для которых Бекес восстанавливает лабиовеларный расширитель -*kʰ*-⁶³. Вариацию αὔλαξ / ἄλοξ Бекес объясняет лабиализованной фонемой /lʰ/, которая могла встречаться в догреческом субстрате. Хотя [EDG] свойственно списывать нерегулярности на «догреческий элемент», в данном случае необоснованно игнорируются близкие

⁵⁸ Иногда также сопоставляется арм. *helg* ‘ленивый, медлительный’ [IEW: 901 s.v. *selk*-; EDPG: 491, s.v. *sulha-]; Покорный приводит в качестве параллели такому развитию значения лат. *ducere tempus* ‘тянуть время’ и нем. *zögern, ziehen*.

⁵⁹ Мы опускаем несколько маловероятных гипотез, таких как предложение Пизани возвести αὔλαξ к αὔλος, в результате чего αὔλαξ оказывается паронимом, а не вариантом ἄλοξ [Pisani 1935: 29].

⁶⁰ Идею Дарбишира с одобрением упоминает [Leaf (ed.) 1902: 52 ad II. 13, 707].

⁶¹ «Die Versuche, idg. *uelq*- und *selq*- in eine gemeinsame Grundform *suelq*- hineinzuzwingen [...], haben wenig Wert» [GEW: 77, s.v. ἄλοξ].

⁶² Так, Демирай именно к *suelk- возводил албанск. *heq* / *helq* [Demiraj 1997: 48].

⁶³ «In laryngealistic terms, a root *h₂uelk- has been supposed in Lith. *velkù*, OCS *vlěko*, av. *varəḱ*-. This is tempting, but cannot be correct. If the Balto-Slavic words are isolated (there is further only Av. *varəḱ*-), the verb may be non-IE. Moreover, for Balto-Slavic and Iranian we would rather reconstruct *uelkʰ- with a labiovelar, which is impossible for Greek» [EDG: 73, s.v. ἄλοξ].

параллели в других индоевропейских языках. Лексемы, которые с точки зрения как фонетики, так и семантики могут быть возведены к корню **h₂uelk-*, распространены, помимо греческого, в авестийском, балтийских и славянских языках, и корень не может быть сведен к одной группе балто-славянских языков; реконструкция же *-k^u-* для балто-славянского материала возможна, но не обязательна. Отметим, что, в целом, объяснение Бекеса создает больше проблем, нежели решает вопросов.

3. Наконец, Кюммель и Цендер [LIV: 290, s.v. **h₂uelk-*; 531, s.v. **selk-*] и Фриск [GEW: 77, s.v. ἄλλοξ] указывают, что в случае с **selk-* и **h₂uelk-* мы имеем дело с рифмующимися синонимическими корнями. Само по себе это замечание не является объяснением, но оно заслуживает внимания, поскольку учитывает и семантическую близость корней, и их фонетические различия, не подгоняя языковой материал под нужную этимологию, а также позволяет предположить аналогическое влияние одного корня на другой еще на этапе праиндоевропейского единства. В самом деле, **h₂uelk-* и **selk-* имеют близкие, практически пересекающиеся, значения: **h₂uelk-*, насколько можно судить по производным в индоевропейских языках, имел значение ‘волочить’, а **selk-*, вероятно, означал ‘тянуть, тащить’ (и в ряде форм ‘тянуться, ползти’). В одном контекст эти корни оказывались взаимозаменяемыми и, следовательно, открытыми для аналогического перехода расширителя: при передаче понятия ‘борозда’ мог использоваться как **h₂uelk-* (т. е. борозда представлялась как след рала, который волю проволაკивают по земле), так и **selk-* (в этом случае борозда — результат протаскивания бороны сквозь верхний слой почвы). Иными словами, выбор корня зависел от того, подчеркивалась ли роль волов или инвентаря, а принадлежность слова ‘борозда’ к склонной к консерватизму сельскохозяйственной лексике сохранила оба варианта (греч. ὄλλξ / ἄλλαξ наряду с лат. *sulcus* и др.-англ. *sulh*). Поскольку в данном случае аналогический переход расширителя приходится восстанавливать на праиндоевропейском уровне, невозможно однозначно установить, который из корней повлиял на другой. Однако есть аргументы в пользу перехода расширителя *-k-* от **h₂uelk-* к **selk-*, и формально и семантически сопоставимому с простым корнем **sel-*, надежно засвидетельствованным в лит. глаголе *seliù, selėti* ‘двигаться ползком; вытекать; красться’ и его производных; к этому же корню **sel-* возводились ведийские формы *tsáratī* ‘ползет, подкрадывается’ и *atsār* ‘подкрасться’ (ср. RG 10, 28, 4)⁶⁴. Если допустить родство **sel-* ‘ползти’ и **selk-* ‘тащить(ся)’, то **selk-* обязан появлением расширителя *-k-* своему синониму **h₂uelk-*, причем добавление расширителя, как кажется, не сопровождалось заметным изменением семантики.

4. Заключение

Разобранные примеры позволяют сделать некоторые обобщающие выводы о том, как аналогия участвует в распространении расширителей. Переход расширителей под влиянием аналогии мог происходить уже на праиндоевропейском уровне и впоследствии продолжался в отдельных индоевропейских языках. Наблюдение за этими процессами в задокументированный период развития этих языков позволяет точнее понять механизм перехода и дает представление о необходимых для него условиях. Понимание того, что расширение корня — непрекращающийся процесс и что некоторые праиндоевропейские корни могли приобрести праиндоевропейский же расширитель уже в ходе развития конкретного языка, позволяет нюансировать подход к изучению расширителей: в частности, подозрение в позднем

⁶⁴ Эти параллели приводятся в [LitEW: 774, s.v. *selėti*] и [Mallory, Adams (eds.) 1997: 141]; в [LIV: 528, s.v. 3. **sel-*] ведийский материал упоминается со знаком вопроса; [Kroonen, Lubotsky 2009] предлагают для *tsáratī* иное восстановление, как восходящему к двусоставному **tsel-* (в котором от первого корня остался один **t-*, а **sel-* является вторым корнем). Отметим также другие попытки расширить семью **sel-*: Трубачев [1957], посвятивший **sel-* этимологический этюд, и Траутман [BSW: 255] постулировали родство с лат. *saliō, salīre* ‘прыгать, брызгать, струиться’ и греч. ἄλλομαι ‘выскакивать, соскакивать’ (в [LIV] для этих глаголов выделяется омонимичный корень **sel-*, см. [LIV 527, s.v. 3. **sel-*]); Трубачев также возводил к этому корню русск. *шлять-ся* (см. [Трубачев 1957: 36—37]).

расширении могут вызывать корни, которые засвидетельствованы в единственном языке (как в случае с **b^hleid-*). В свою очередь проблема, которую ставит перед исследователем выявление пар расширенных корней, повлиявших один на другой на праиндоевропейском уровне, еще более сложна. Чем древнее аналогический переход расширителя, тем сложнее восстановить точное соотношение между корнями: с течением времени возрастает вероятность фонетических и семантических изменений в обоих корнях, и приходится признать, что в значительном числе случаев проследить и тем более доказать аналогическое влияние окажется невозможным. Впрочем, и в этом случае существуют параметры, на которые можно ориентироваться. Во-первых, некоторые области лексики в силу своей консервативности (технические и сельскохозяйственные сферы, юридическая и религиозная области и т. д.) могут сохранять слова в форме и значениях достаточно близких к исходным (ср. рассмотренные корни **h₂uelk-* и **selk-*). Во-вторых, ряд подобных пар расширенных корней уже был в той или иной степени идентифицирован. Поэтому с точки зрения методики пометы «Parallelwurzel» или «synonyme / antonyme Reimwurzel» в комментариях к леммам в [LIV] могут указывать на пару корней, в которых связь лексическая (синонимическая, антонимическая связь, принадлежность к одному лексическому полю) обусловила переход расширителя от одного корня к другому.

Так или иначе, очевидно, что аналогия является значимым фактором при расширении корня. Аналогические процессы начинаются еще на стадии праиндоевропейского единства и продолжают и в дальнейшем. В рамках такого процесса расширяющий элемент, даже имевший в исходном корне определенную семантическую составляющую, при переходе от одного корня к другому необходимо терял ее; этим может объясняться большая часть примеров, в которых простой и расширенный корни практически неотличимы по значению. И, хотя цели реконструкции требуют установить, произошло ли аналогическое расширение корня еще до распада праиндоевропейского языкового единства или уже в рамках конкретного индоевропейского языка, нельзя забывать, что аналогия, как подчеркивал Соссюр [de Saussure 1967: 235—236], имеет результатом не только появление новых форм, но и сохранение древних элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гуревич 1957 — Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X — начале XI в. // Средние века. 1957. № 9. С. 69—131. [Gurevich A. Ya. The English peasantry in the 10th — the beginning of the 11th c. *Srednie veka*. 1957. No. 9. Pp. 69—131.]
- Казанскене, Казанский 1986 — Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка: Крито-микенский период. Л.: Наука, 1986. [Kazanskene V. P., Kazansky N. N. *Predmetno-ponyatiynyi slovar' grecheskogo yazyka: Krito-mikenskii period* [A dictionary of objects and concepts of Ancient Greek. The Creto-Mycenaean period]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Трубачев 1957 — Трубачев О. Н. Славянские этимологии // Вопросы славянского языкознания. 1957. № 2. С. 29—43. [Trubachev O. N. Slavic etymologies. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniiya*. 1957. No. 2. Pp. 29—43.]
- Beekes 1969 — Beekes R. S. P. *The development of the Proto-Endo-European laryngeals in Greek*. The Hague: Mouton, 1969.
- Beekes, de Vaan 2011 — Beekes R. S. P., de Vaan M. *Comparative Indo-European linguistics: An introduction*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Benveniste 1984 — Benveniste É. *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Jean Masseneuve Successeur, 1984.
- Bers 1974 — Bers V. *Enallage and Greek style*. Lugduni Batavorum: Brill, 1974.
- Bing 1988 — Bing P. *The well-read muse: Present and past in Callimachus and the Hellenistic poets*. (Hypomnemata, 90.) Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988.
- Blanc 2001 — Blanc A. Un rapprochement lexical gréco-germanique : grec *μαίω, μαρός* et germanique **smeit-* (got. *bi-smeitan*, etc.). *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. 2001. Vol. 96. No. 1. Pp. 153—179.

- Bosworth, Toller 1921 — Bosworth J., Toller T. N. *An Anglo-Saxon dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1921.
- Brugman 1906 — Brugman K. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Bd. II: *Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch*. 1. Theil: *Allgemeines, Zusammensetzung (Komposita), Nominalstämme*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1906.
- BSW — Trautmann R. *Baltisch-slavisches Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1923.
- Buck 1949 — Buck C. D. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1949.
- Chadwick 1973 — Chadwick J. *Documents in Mycenaean Greek*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1973.
- Chantraine 1926 — Chantraine P. *Histoire du parfait grec*. Thèse présentée à la faculté des lettres de l'Univ. de Paris. Paris: Honoré Champion, 1926.
- Chantraine 1933 — Chantraine P. *Formation des noms en grec ancien*. Paris: Honoré Champion, 1933.
- Chantraine 1948 — Chantraine P. *Grammaire homérique*. T. I : *Phonétique et morphologie*. Paris : C. Klincksieck, 1948.
- Ciani 1975 — Ciani M. G. *Lexikon zu Lycophron*. Hildesheim: Olms — Weidmann, 1975.
- Darbishire 1895 — Darbishire H. D. *Reliquiae philologicae, or Essays in comparative philology*. Conway R. S. (ed.), with a biographical notice by J. E. Sandys. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1895.
- Debrunner 1917 — Debrunner A. *Griechische Wortbildungslehre*. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1917.
- DELG — Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque : histoire des mots*. Vols. 1—4. Paris : Klincksieck, 1968—1977.
- DELL — Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine : histoire des mots*. Paris: Klincksieck, 1967.
- Demiraj 1997 — Demiraj B. *Albanische Etymologien: Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz*. Amsterdam: Rodopi, 1997.
- Dettori 2008 — Dettori E. Su Call. fr. 22 Pf. (24 Mass.). *Seminari romani di cultura greca*. 2008. Vol. 11. No. 2. (*Atti della Giornata in onore di Roberto Pretagostini, Università di Roma 'Tor Vergata', 12 dicembre 2007*.) Pp. 263—288.
- EDBIL — Derksen R. *Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2015.
- EDG — Beekes R. *Etymological dictionary of Greek, with the assistance of L. van Beek*. Vols. 1—2. Leiden: Brill, 2010.
- EDPG — Kroonen G. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill, 2013.
- Fick 1909 — Fick A. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Bd. 3. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1909.
- Forbes 1958 — Forbes K. Medial intervocalic -pσ-, -λσ- in Greek. *Glotta*. 1958. Vol. 36. Pp. 235—272.
- Fortson 2004 — Fortson B. W. *Indo-European language and culture*. Malden (MA): Blackwell, 2004.
- Fraenkel 1909 — Fraenkel E. Zur Frage der idg. r-n-Stämme. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf d. Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. 1909. Vol. 42. Pp. 114—127.
- GEW — Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1—3. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960—1972.
- Gow 1914 — Gow A. S. F. The Ancient plough. *Journal of Hellenic Studies*. 1914. Vol. 34. Pp. 249—275.
- Gow, Scholfield (eds.) 1953 — Gow A. S. F., Scholfield A. F. (eds.). *Nicander: Poems and poetical fragments, edited with introduction, translation and notes*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1953.
- Hansen, Cunningham (eds.) 2009 — Hansen P. A., Cunningham I. C. (eds.). *Hesychii Alexandrini Lexicon*. Vol. 4. Berlin: Walter de Gruyter, 2009.
- Hurst, Kolde (éds.). 2008 — Hurst A. Kolde A. (éds.). *Lycophron, Alexandra*. Paris: Belles-lettres, 2008.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1—2. Bern: Franke Verlag, 1959—1969.
- Jacques (éd.) 2002 — Jacques J.-M. (éd.). *Nicandre, Œuvres : Les Thériaques. Fragments iologiques antérieurs à Nicandre*. Paris: Belles-lettres, 2002.
- Jacques (éd.) 2007 — Jacques J.-M. (éd.). *Nicandre, Œuvres : Les Alexipharmques. Lieux parallèles du livre XIII des Iatrica d'Aetius*. Paris: Belles-lettres, 2007.
- Janko 1992 — Janko R. *The Iliad: A commentary*. Vol. IV: *Books 13—16*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Karulis 2001 — Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. Rīga: Avots, 2001.
- Kassel, Austin (eds.) 2001 — Kassel R., Austin C. (eds.). *Poetae Comici Graeci*. Vol. 1. Berlin: Walter de Gruyter, 1991.

- Kroonen, Lubotsky 2009 — Kroonen G., Lubotsky A. Proto-Indo-European *tsel- ‘to sneak’ and Germanic *stelan- ‘to steal, approach stealthily’. *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2009. Vol. 14. Pp. 237—241.
- Leaf (ed.) 1902 — Leaf W. (ed.). *The Iliad, edited with apparatus criticus, prolegomena, notes and appendices*. Vol. 2. London: Macmillan and Co., 1902.
- LEW — Walde A., Hofmann J. B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1—2. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1938—1952.
- LfgEp — Snell B. *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Bd. 1—4. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1955—2006.
- LitEW — Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1—2. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962—1965.
- LIV — Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B. *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- LSJ — Liddell H. G., Scott R. *A Greek—English lexicon*, revised and augmented throughout by H. S. Jones, with the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Mair, Mair (eds.) 1955 — Mair A. W., Mair G. R. (eds.). *Callimachus, Hymns and epigrams. Lycophron. Aratus*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1955.
- Mallory, Adams (eds.) 1997 — Mallory J. P., Adams D. Q. (eds.). *Encyclopaedia of Indo-European culture*. London: Fitzroy Dearborn Publ., 1997.
- Maltby 1991 — Maltby R. *A lexicon of Ancient Greek etymologies*. (ARCA: Classical & Mediaeval Texts, Papers & Monographs, 25.) Cambridge: Francis Cairns, 1991.
- Melchert 1977 — Melchert H. C. Tocharian verb stems in *-tk-*. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1977. Vol. 91. Pp. 93—130.
- Monro (ed.). 1928 — Monro D. B. (ed.). *Homer, Iliad*. Vol. 2: *Books XIII—XXIV*. Oxford: Clarendon Press, 1928.
- Morpurgo Davies 2006 — Morpurgo Davies A. Saussure and Indo-European Linguistics. *The Cambridge companion to Saussure*. Sanders C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. Pp. 9—29.
- Mühlenbach, Endzelin 1943 — Mühlenbach K. Endzelin J. *Latviešu valodas vārdnīca. Lettisch-deutsches Wörterbuch*. Riga: Latvju grāmata, 1943.
- Müller 1811 — Müller M. C. G. *Ἰσακίου καὶ Ἰωάννου τοῦ Τζέτζου Σχόλια εἰς Ἀνκρόφωνα*. Lipsiae: F. C. G. Vogel, 1811.
- NIL — Wodko D. S., Irslinger B., Schneider C. *Nomina im Indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Winter, 2008.
- Osthoff, Brugman 1878 — Osthoff H., Brugman K. *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1. Theil. Leipzig: S. Hirzel, 1887.
- Pfister 1969 — Pfister R. Methodologisches zu *fluere* — *fließen* u. ä. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 1969. Bd. 25. S. 75—94.
- Pisani 1935 — Pisani V. Notulae Graeco-Latinae. *Indogermanische Forschungen*. 1935. Vol. 53. Pp. 22—39.
- Pisani 1940 — Pisani V. Sul valore di τέλσον e ὄλκα. *Athenaeum*. 1940. Vol. 18. Pp. 3—10.
- Prellwitz 1892 — Prellwitz W. *Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, mit besonderer Berücksichtigung des Neuhoheideutschen und einem deutschen Wörterverzeichnis*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1892.
- Puhvel 1964 — Puhvel J. The Indo-European and Indo-Aryan plough: A linguistic study of technological diffusion. *Technology and Culture*. 1964. Vol. 5. Pp. 176—190.
- Reece 2009 — Reece S. *Homer's winged words: The evolution of Early Greek epic diction in the light of oral theory*. Leiden: Brill, 2009.
- Risch 1974 — Risch E. *Wortbildung der homerischen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter, 1974.
- de Saussure 1967 — de Saussure F. *Cours de linguistique générale*, publié par Ch. Bally, A. Séchehaye ; édition critique préparée par T. de Mauro. Paris: Éditions Payot & Rivages, 1967.
- Schindler 1972 — Schindler J. L'apophonie des noms-racines indo-européennes. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1972. Vol. 67. Pp. 31—38.
- Schwyzler 1990 — Schwyzler E. *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik*. Bd. 1: *Lautehre, Wortbildung, Flexion*. München: C. H. Beck, 1990.
- Solmsen 1901 — Solmsen F. *Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1901.
- Specht 1939 — Specht F. Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. 1939. Vol. 66. Pp. 1—74.
- Stenton 2001 — Stenton F. M. *Anglo-Saxon England*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

- Stephens 2015 — Stephens S. A. *Callimachus: The Hymns, edited with introduction, translation, and commentary*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
- Vine 1981 — Vine B. H. *Indo-European verbal formations in *-d-*. PhD dissertation. Cambridge (MA): Harvard, 1981.
- Vinogradoff 1904 — Vinogradoff P. Sulung and hide. *The English Historical Review*. 1904. Vol. 19. Pp. 282—286.
- Wackernagel 1969 — Wackernagel J. Studien zum griechischen Perfektum. *Kleine Schriften*. Bd. 2. Wackernagel J. Göteborg: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. Pp. 1000—1021.
- Wendel 1999 — Wendel C. (ed.). *Scholia in Apollonium Rhodium vetera*. Hildesheim: Weidmann, 1999.
- Zoëga 1922 — Zoëga G. T. *Íslensk-Ensk Orðabók (Icelandic-English Dictionary)*. Reykjavík: Sigurður Kristjánsson, 1922.

Получено / received 16.12.2016

Принято / accepted 07.02.2017